

Мудрость тысячелетий

Притчи Мудрашей

Сборник сказаний,
притч, изречений

Сборник

**Притчи мидрашей. Сборник
сказаний, притч, изречений**

«Неоглори»

2005

Сборник

Притчи мидрашей. Сборник сказаний, притч, изречений /
Сборник — «Неоглори», 2005

Не относись к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина.

Содержание

О притче	5
Сотворение мира и первые поколения	7
I. Сотворение мира	7
II. Небо и земля	8
III. Свет	9
IV. Деревья и злаки	10
V. Солнце и луна	11
VI. И всякая тварь	12
VII. Человек	13
VIII. В канун субботы	14
IX. Апофеоз Вселенной	15
X. Ева	16
XI. Огонь	17
XII. Грехопадение	18
XIII. После грехопадения	19
XIV. Каин и Авель	20
XV. Енох	22
XVI. Потоп	23
XVII. Ной	25
XVIII. Нимрод и столпотворение	27
Праотцы	28
I. Авраам	28
II. Грехи Содомы	32
III. Потомство Авраама	34
IV. Жертвоприношение Исаака	36
V. Целебный камень	40
VI. Иаков и Исав	41
VII. Слепота Исаака	42
VIII. Благословение Исаака	43
IX. Иаков	44
X. Гробница Рахили	45
XI. Иосиф в Египте	46
XII. Братья Иосифа в Египте	49
XIII. Кончина Иакова	53
Рабство и исход	54
I. Рабство египетское	54
II. Рождение и воспитание Моисея	56
III. Моисей на работе египетской	57
IV. Моисей у Иофора	58
V. Кровавая ванна	59
VI. Пастырь Божьего Стада	60
VII. Несгораемый куст	61
VIII. Посох Моисея	62
IX. Старейшины	63
X. Моисей и Аарон у фараона	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Притчи мидрашей. Сборник сказаний, притч, изречений

О притче

Не относись к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина.
(Ш. – Гаи. Р.)

* * *

«Сверх того, что Екклезиаст был мудр, он еще учил народ знанию. Он все изучал, исследовал и много притчей составил».

Рав Нахман учил: «До Соломона Тора, источник мудрости и истины, представлялась людям в виде лабиринта со множеством входов и выходов, в которых невозможно было не заблудиться. Явился Соломон – и притча стала тем клубком ниток, с помощью которого люди стали свободно ходить по лабиринту Торы».

Раби Ханина говорил: «Был глубокий колодезь с превосходной студеной водой, которую долгое время никто не пользовался, пока не нашелся человек, который, связав вместе несколько веревок, начал черпать воду из колодца, а за ним и другие стали черпать и пить. Так и Соломон: сказание за сказанием, притча за притчей – он достиг до сокровеннейших источников знания».

(Там же)

* * *

В одном городе поучали народ одновременно раби Абагу и рав Хия бар¹⁾ Аба. Рав Хию, который объяснял галаху (закон), вскоре все покинули и собрались вокруг раби Абагу, с увлечением слушая сказания и притчи. Покинутый слушателями, рав Хия пал духом. Видя это, раби Абагу обратился к нему со следующей притчей: «В одно место пришли два торговца: один продает драгоценные камни, другой – простые, но полезные предметы домашнего обихода. Не естественно ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, нежели у первого?»

(Сота, 40)

* * *

Велико было соперничество между галахистами и агадистами.

Раби Исаака Нафха²⁾ пришли послушать рав Ами и рав Аси. Первый желал поучиться галахе, второй послушать агаду, и каждый просил о своем, не давая учителю приступить ни к той, ни к другой лекции.

По поводу этого раби Исаак сказал: «Своим соперничеством вы поставили меня в положение человека средних лет, имеющего двух жен – молодую и старую: первая выщипывает у

¹ Сын.

² Нафха – кузнец.

него седые волосы, чтобы он имел вид молодого, а вторая – темные волосы, чтобы он более походил на старика. В конце концов бедный человек остается лысым».

(Б.-К., 60)

* * *

«До пределов Вселенной слова их доходят». Это сказано о словах притчи.

(Т. д. Ел.)

«Ты пьешь вино – кровь виноградных ягод». Подобно вину, притча влечет к себе сердце человеческое.

(Сифре)

* * *

«Освежите меня яблоками», – говорит Суламита в «Песне песней».

Читайте притчи: вкусом и ароматом плодам яблони подобны они.

* * *

Галаха – хлеб, агада – вино.

(Ваик.-Р., 1)

Сотворение мира и первые поколения

I. Сотворение мира

Повествование о сотворении мира начинается с буквы бет *b*), имеющей начертание, открытое только с одной, передней стороны. Этим предуказано, что только то, что последовало после начала божественного миростроительства, может быть доступно человеческому разумению.

(Бер.-Р., I)

Был у царя кубок тончайшего стекла.

«Чем, – думал царь, – кубок этот наполнять? Горячей влаги стекло не выдержит, от холодной потускнеет».

И царь брал кубок только для теплых напитков.

Сотворил Бог Вселенную и подумал: «Как руководить Своим творением: одним строгим правосудием – миру грозит разрушение; одним милосердием – земля в грехах потонет. Соединю, – решил Господь, – правосудие с милосердием. И то, устоит ли?»

(Там же, 12)

II. Небо и земля

Раби Елеазар бен³) Симеон учил:

– В Писании упоминается то сначала небо, потом земля, то в обратном порядке. Этим указано, что земля и небо вполне равноценны перед Господом.

(Там же, 2)

³ Сын.

III. Свет

– Как был сотворен свет? – спросил раби Симеон бен Егосадок.

– Господь, – ответил раби Самуил бар Нахман, – облачился в ослепительно белые ризы, от которых потоками хлынул свет, засиявший от края до края Вселенной.

(Там же)

Раби Елеазар учил:

– Свет, сотворенный Предвечным в первый день творения, был такой чистоты и силы, что человек мог видеть от конца до конца Вселенной. С появлением на земле греха и порока дивный свет этот начал тускнеть и, наконец, отнят был Всевышним у земного мира и приуготован для праведников в загробной жизни.

(Хаг., 12)

IV. Деревья и злаки

Когда сотворено было железо, трепет страха прошел по деревьям. Но железо сказало:
– Не давайте рукоятки для топора – и ни одно из вас повреждено не будет.

(Бер.-Р., 5)

Раби Симон учил:

– Каждая былинка имеет ангела-хранителя, который властно повелевает ей: «Расти!».

(Там же, 10)

V. Солнце и луна

«И создал Бог два светила великии»⁴).

– Господи, – сказала луна, – невозможно двум царям один венец носить.

– Иди, – ответил Всевышний, – и сама умали себя.

– За то ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелеваешь мне? –
взмолилась луна.

Отвечал Всемилосердный:

– Звезды да будут спутниками тебе.

(Хул., 60)

⁴ Одинаковой величины.

VI. И всякая тварь

Рав Иегуда учил со слов Равва:

– Ничто в мире Божьем не сотворено без цели. Даже те твари, существование которых кажется человеку совершенно нецелесообразным, содействуют строю и порядку мироздания, и Создатель творит волю Свою через каждое Свое творение, не исключая даже змеи, лягушки, комара.

(Шаб., 77; Бер.-Р., 10)

Раби Негорай учил:

– Когда люди грешат, и кара небесная грозит обрушиться на них, милосердный взор Всевышнего останавливается на гадах и паразитах, и Господь говорит: «Этим, в которых надобности нет, я даю жизнь. Отниму ли ее у тех, кому Мною дано высокое назначение на земле?»

(Иеруш., Бер.)

VII. Человек

Р. Симон учил:

Когда Всевышний решил создать человека, между духами небесными произошёл раскол.

Одни говорили: «Сотвори человека», другие: «Не твори его».

– Сотвори его, – говорил дух Милосердия, – он будет творить милость на земле.

– Не твори его, – говорил дух Правды, – он ложью осквернит душу свою.

– Сотвори его, – говорил дух Справедливости, – добрыми делами он жизнь украсит.

– Не твори его, – говорил дух Мира, – землю враждою наполнит он.

Поверг Господь Правду на землю. И взмолились Ангелы Служения, говоря:

– Владыка миров! Зачем пятнаешь Ты Правду, печать величия Твоего? Подними ее с земли, Господи!

И пока духи вели спор между собою, осуществилось дело божественного творчества.

– Для чего, – сказал Господь, – пререкания ваши? Сотворение человека уже совершилось.

(Бер.-Р., 8)

Раби Меир учил:

– Со всех концов земли слетелись пылинки, частицы того праха, в который Господь вдохнул животворящее начало, душу живую и бессмертную.

(Санг., 38)

Сотворен был только один человек.

Это должно служить указанием, что:

– тот, кто губит хотя одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасает одну душу, спасает целый мир;

– не может один человек возгордиться перед другим человеком, говоря: мой род знатнее твоего рода;

– каждому человеку следует помнить, что для него и под его ответственность сотворен мир.

(Там же, 37)

Создав человека, Господь повел его по садам Эдема, говоря:

– Гляди, как прекрасен этот мир, созданный Мною для тебя. Береги его и помни, что поврежденного тобою некому будет исправить.

(Ког.-Р., 9)

VIII. В канун субботы

Десять вещей предуготовано было в канун Субботы, в сумерки: пасть земли (поглотившая Корея и его сообщников), устье колодца (по сказанию – следовавшего за израильтянами в пустыне), человеческий голос Валаамовой ослицы, радуга (появившаяся после прекращения потопа), манна, посох Моисея, шамир (червь, с помощью которого, по древнему сказанию, Соломон тесал гигантские камни при построении храма), письмена, стиль для письма, скрижали Завета.

По другому сказанию – также: злые духи, гробница Моисея, овен, принесенный Авраамом в жертву вместо Исаака, и первые щипцы (без которых не могли бы быть изготовлены другие щипцы).

(П. Аб., 5)

IX. Апофеоз Вселенной

Рав Хама бар Ханина учил:

– Подобно царю, который любит постройным им чертогом, Господь, взирая на юный мир, говорил:

«Мир мой, мир мой! О, если бы вечно пребывал ты таким же прекрасным и чистым в очах Моих, как в первые дни твоего существования!»

(Бер. Р., 9)

Разукрашенному с царской пышностью венчальному балдахину подобен был мир в вечер шестого дня. И снизошел к миру, подобно невесте, святой покой Субботы.

(Там же, 10)

«Все сделал Он прекрасным в свое время»⁵).

Раби Танхума учил:

– Мир был сотворен в урочное время, ранее которого ему не подобало быть созданным.

Раби Абагу учил:

– Миром многое множество созидал и разрушал Всевышний – созидал и уничтожал, пока не была сотворена Вселенная. И сказал Господь: «Те миры не годились, а в этом все прекрасно».

(Там же, 9)

С гордостью взирал Создатель на Вселенную, говоря (духам небесным):

– Видите существа, созданные Мною, и образы, Мною начертанные? «Вот как возникли небо и земля при сотворении их». Творец их воздает им хвалу, – кто же их унижит? Творец славит их, – кто же порицать их станет?

Прекрасны и совершенны творения Мои.

(Там же, 12)

⁵ Экклезиаст.

Х. Ева

«И Господь образовал Еву из ребра Адама».

Рассудил Господь так:

– Не сотворю ее из головы его, дабы она не была высокомерной; не из глаза его – чтобы она не была любопытной; не из уха – чтобы не подслушивала; не из уст – чтобы не была болтливой; не из сердца – чтобы завистливой не была; не из рук – чтобы не была любостяжательной; не из ног – чтобы не была праздношатающейся.

Из ребра – скромной и скрытой части тела – сотворил Господь женщину и, по мере образования каждого из членов тела ее, приговаривал: «Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!»

Однако же ни от одного из перечисленных недостатков не свободна женщина.

(Там же, 18; Танх.)

– Ваш Бог – вор, – сказал кесарь рабан Гамлиелю, – усыпил Адама и у сонного ребро украл.

– Позволь мне, отец, – сказала дочь р. Гамлиеля, – ответить вместо тебя.

И, обращаясь к кесарю, продолжала:

– Я требую правосудия: прошлой ночью к нам забрались воры и, похитив серебряный кубок, оставили нам кубок из чистого золота.

– О, если бы каждый день посылали нам боги подобных воров! – воскликнул кесарь.

– Так дурно ли было для Адама, что взамен ребра ему дана была женщина?

(Санг., 39)

Из сказания раби Симеона бен Манасии:

– С материнской заботливостью Господь собственноручно заплел в косы волосы Евы перед тем, как впервые показать ее Адаму.

(Бер.-Р., 61)

XI. Огонь

Раби Иосэ говорил:

– Огонь имел быть создан в канун Субботы, но сотворение его было отложено до исхода субботнего дня. Предвечный зародил в уме Адама божественный начаток творчества. Взял Адам два камня, высекая из них огонь, произнес: «Благословен творящий светильники огненные!»

(Пес. 54; Бер.-Р., 11)

ХII. Грехопадение

«Змей был хитрее всех зверей полевых».

Он рассуждал: «Если я обращусь прямо к Адаму, он меня не послушается. Обольщу сначала Еву – женщины легковёрны».

И начал змей хулить Господа, говоря:

– Он сам вкусил от этого дерева – и создал мир. А вам, людям, сказал: «Не ешьте от него», ибо опасался, чтобы вы не стали тоже творить миры.

И еще говорил змей:

– Будущее принадлежит позжеродившемуся. Вы созданы после всех творений, дабы властвовать над миром. Поспешите же поесть плодов этих, пока Бог еще не создал других людей, которые начнут властвовать над вами.

Подошел змей к дереву, взялся за ствол и начал трясти его. Затрепетало дерево, зашумела листва его: «Не смей дотрагиваться до меня, нечестивец!»

А змей говорит Еве:

– Вот я дотронулся до дерева – и не умер. Дотронься и ты; увидишь – жива останешься.

Дотронулась Ева до дерева и видит – призрак смерти стоит перед нею.

– Горе мне! – воскликнула она. – Теперь я умру, а Бог сделает другую женщину и даст ее Адаму!

Тотчас же она взяла плодов и ела, и дала также Адаму, и он ел.

И не только Адаму дала Ева поесть плодов от запретного дерева, но покормила ими и животных, и птиц, и зверей. Не поддалась искушению одна только птица феникс.

Эта птица и живет вечно, через каждые тысячу лет сгорая в пламени, выходящем из ее гнезда, и снова возрождаясь из пепла.

(Бер. Р., 19; П. д. Ел.)

Рав Симеон бен Манасии учил:

– Не осуществись грехопадение, искушитель стал бы вечным слугою роду человеческому. Каждому добродетельному человеку дано было бы в услужение по два змея, которые добывали бы для него из сокровищниц Севера и Юга жемчуг и всевозможные драгоценные камни.

(Санг., 59)

ХІІІ. После грехопадения

Наступил первый солнечный закат после изгнания из рая. Похолодело от страха сердце Адама.

– Горе мне! – возопил он. – За грех мой погас светильник дня, и мир снова обращается в хаос. Это смерть, посылаемая в наказание мне небом!

Всю ночь просидели Адам и Ева, каясь и плача. Когда же снова взошло солнце, они поняли, что таков порядок в природе, и жертвоприношением возблагодарили Господа.

(Ав.-З., 8)

XIV. Каин и Авель

И сказал Каин Авелю, брату своему:

– Поделим мир между собою.

– Поделим, – согласился Авель.

Взял Каин землю, а Авель стада. И условились не затрагивать один владения другого.

Погнал Авель свои стада в поле, а Каин кричит ему:

– Земля, по которой ты ходишь, моя!

– А одежда, которая на тебе, не из шерсти ли моих овец сделана? – отвечает Авель.

– Прочь с моей земли!

– Долой одежду из моей шерсти!

Погнался Каин за Авелем по холмам и долинам, пока не настиг его. Завязалась борьба.

Не выдержал Каин, упал и, прижатый к земле, стал молить о пощаде.

– Авель, брат мой! Нас двое на земле. Умертвив меня, что ты ответишь отцу нашему?

Сжалился Авель над Каином, освободил его. Встал Каин и убил Авеля.

Медленно, долго убивал его Каин: схватив камень, но не зная, как нанести смертельный удар, он наносил ему побои по всему телу, пока не перешиб ему горло, – и Авель умер. Убив брата, Каин подумал: «Спрячусь от отца и матери; ведь от меня они и станут взыскивать за убитого брата, потому что кроме меня и его нет никого на свете».

В это время предстал Каину Господь, говоря:

– От родителей своих ты можешь бежать, но от Меня скрыться ли тебе? Отвечай: где Авель, брат твой?

– Не знаю, – отвечал Каин, – почему Ты спрашиваешь меня? Скажи Ты мне, где он?

– Злодей! – сказал Господь. – Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли.

Подобно вору, который стал бы возлагать вину свою на стражу, не устерегшую его, Каин говорил:

– Да, я убил брата моего, но не Тобою ли внушено мне это злое дело? Ведь Ты – страж всего сущего на земле. Кроме того, если бы Ты не отверг моей жертвы, я не стал бы завидовать и мстить ему.

И еще говорил Каин:

– Владыка Вселенной! Я никогда не видал убитого и не знал, что, нанося Авелю удары камнем, я этим убью его. И откуда Ты узнал об убийстве? Отец и мать находятся на земле и не знают; как же об этом узнал Ты, находясь на небе?

– Глупец! Всю тяжесть мира я в долготерпении ношу на Себе, – сказал Господь, – и от Меня ничего сокровенного нет.

– Так Тебе ли, Господи, – взмолился Каин, – трудно снести единый грех мой? «Наказание же мое больше, нежели снести можно».

– Раскаяние спасает тебя, – сказал Господь.

«И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод».

Каин шел, и земля дрожала под его ногами, и лютые звери метались кругом, и звучал их рев и вой: «Вот он, вот он, братоубийца, изгнанник и скиталец на земле. Растерзаем его, сожрем его!»

Ручьями полились слезы из глаз Каина; и взмолился он:

«Куда уйду от духа Твоего?

Куда от лика Твоего я скроюсь?

На небо вознесусь ли я, – Ты там;

Сойду ли в преисподнюю, – Ты там же.

Возьму ли крылья утренней зари,

Переселюсь на край ли океана, —
И там меня рука Господня поведет,
И там десница Божья остановит!»
(Танх.; Бер.-Р., 22)

Истерзанное тело Авеля лежало в поле; кровью его обрызганы были кусты и камни. Верная собака его, овчарка, стерегла убитого, отгоняя хищных птиц и зверей.

Полными ужаса глазами глядели Адам и Ева на убитого сына, не зная, что следует сделать с этим похолодевшим, неподвижным телом. Недалеко от места лежал павший ворон. И вот, бывший тут другой ворон подумал: «Покажу этим людям, что следует сделать с трупом». Разгреб землю и закопал в ней мертвого товарища. Видя это, Адам и Ева вырыли могилу и похоронили Авеля.

(П. д. Ел.)

XV. Енох

«И ходил Енох путями Господними».

Отвратил Енох душу свою от порочных дел людских и скрывал от людей чистые тайники души своей. Долгое время жил так Енох, проводя в молитве дни свои в уединенной келье в жилище своем.

И однажды, во время молитвы, воззвал к Еноху Ангел Божий.

И отвечал Енох:

– Вот я!

И сказал Ангел Божий:

– Встань, Енох, выйди из кельи своей, ступай к людям и поучай их, какими путями ходить и делать дела, угодные Господу.

Встал Енох, вышел из кельи своей и из жилища своего. И начали собираться к Еноху люди со всей земли, чтобы послушать поучения его. И люди поставили его царем над собою, приходили и кланялись ему до земли, и слушали все и следовали наставлениям его.

Двести сорок три года царствовал Енох, творя суд и милость в народе.

Однажды, когда Енох поучал народ, воззвал к Еноху Ангел Божий и возвестил ему, что решено призвать его на небо, дабы он поучать стал Сынов Господних так, как он поучал дотеле сынов человеческих.

И вот, в то время, когда Енох поучал народ, подняли люди глаза и увидели: несется с неба нечто в образе исполинского коня и летит, направляясь к земле. Сказали люди об этом Еноху. И отвечал Енох:

– Для меня послан этот конь, ибо наступило мне время уйти от вас навсегда.

В эту минуту конь достиг земли и стал перед Енохом. И все, бывшие тут, видели это. Тогда повелел Енох оповестить по всей земле, чтобы все желающие послушать слово Божие пришли еще сегодня, перед тем как Енох будет взят с земли. Собрались к Еноху все люди с их вождями и правителями и весь день тот слушали наставления в мудрости, знании и страхе Божиим; и заключил Енох мир между всеми людьми, после чего сел на коня и поехал шагом неторопливым. И пошли вслед за ним люди, около восьмисот тысяч человек. Весь день тот они шли за Енохом.

– Возвращайтесь к жилищам своим, дабы не умереть вам в пути, – говорил им Енох.

Часть провожавших возвратились. Другие шли еще шесть дней за ним. Те же, которые и на седьмой день продолжали идти за ним, говорили:

– С тобою пойдем мы, куда бы ни шел ты. Клянемся, что только смерть разъединит нас с тобою!

Упрашивал их Енох уйти, пока не поздно, но они не послушались его. Отвернулся от них Енох и более не говорил с ними.

И вот, налетела буря... Огненная колесница с конями огненными появилась в вихре – и вознесся Енох на небо.

Ходившие потом на поиски за последними, провожавшими Еноха людьми пришли на то место и видят: все пространство покрыто сплошным снегом и ледяными глыбами, и ни единого признака жизни незаметно кругом.

(Сеф. Гаиаш.)

XVI. Потоп

Вначале, до сотворения человека, одни только воды славили Всевышнего.

«Пуще гула многих вод могучих в небесах могуч Господь!» – пели моря, пели озера.

И сказал Господь:

– Так славит имя мое стихия, лишенная живой речи. Каким же сладостным гимном огласит Вселенную человек, которого Я сотворю!

У царя был великолепный дворец, все обитатели которого были глухонемые. Не умея говорить, они приветствия свои царю выражали знаками и поклонами. Вместо них поселил царь во дворце людей, обладающих даром речи. Что же от этих людей услышал царь?

– Мы – хозяева этого дворца; он наш!

И повелел царь возвратить дворец прежним жильцам, глухонемым».

Так и Господь – направил снова водяную стихию на ту землю, на которой люди перестали признавать Господа творцом и хозяином всего сущего.

(Бер.-Р., 28)

Когда в эпоху, предшествовавшую потопу, люди, вместо Бога Живого, стали служить идолам, пред лицом Предвечного предстали два ангела, Шемхазай и Азаил. Видя скорбь Господа, они говорили:

– Властитель Вселенной! Когда Ты созидал этот мир, не предостерегали ли мы Тебя, говоря: достоин ли человек, чтобы Ты помнил его, и сын праха, чтобы Ты милостью посещал его?

– Что же теперь с миром делать? – сказал Господь.

– Мы найдем для него другое назначение.

– А мне, – отвечал на это Господь, – ведомо и несомненно, что если бы вместо людей жили на земле вы, ангелы, искушение овладело бы вами еще легче и скорее, чем это случилось с родом человеческим.

– Испытай, Господи, – сказали они, – позволь нам поселиться на земле, и Ты увидишь, как мы возвеличим святое имя Твое.

Сошли сыны Божии на землю и стали входить к дочерям человеческим, их земной красотой обольщенные.

Встретил Шемхазай одну девицу по имени Истеарь и пленился ею. Но Истеарь сказала:

– Я соглашусь ответить на твою любовь, если ты откроешь мне «Шем-Гамфорош»⁶), произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь.

Ангел исполнил ее требование. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за ее добродетель Всевышний обратил Истеарь в звезду и поместил ее в Плеяде.

После этого Шемхазай и Азаил взяли себе жен, и у Шемхазая родились два сына: исполины Гива и Гийа.

Архангел Метатрон послал сказать Шемхазая, что готовится потоп, и миру грозит полное разрушение. Поднял голос свой Шемхазай и горько зарыдал:

– Горе мне, – вопил он, – что станет с моими детьми после разрушения мира? Чем они питаться будут?

А съедал каждый из них по тысяче верблюдов, тысяче лошадей и тысяче быков ежедневно.

⁶ Имя божие, произнесенное в полной его транскрипции.

В ту же ночь обоим было сонное видение. Одному приснилось: лежит на земле гигантский камень в виде стола, поверхность которого вся покрыта рядами письмен. А с неба сходит ангел и, держа в руках нечто похожее на нож, соскабливает и уничтожает строку за строкой до тех пор, пока не осталось всего четыре слова.

Другому привиделось: роскошный сад, засаженный всевозможными деревьями, и ангелы с топорами в руках вырубает деревья одно за другим и оставляют единственное дерево о трех ветвях.

Сны эти Шемхазай истолковал как предвещание близкого потопа, после которого на земле останутся в живых только Ной и три сына его.

Впоследствии Шемхазай раскаялся в земном грехе своем и добровольно покарал себя, повиснув в пространстве между небом и землей, где висит и поныне, вниз головою, в скорби покаянной.

Азаил же не раскаялся и продолжает свое грешное бытие и поныне.

(Мидр. Абк.)

XVII. Ной

Рав Гуно со слов раби Иосэ учил:

– В продолжение ста двадцати лет до потопа Господь предостерегал род человеческий и, не видя ни в ком раскаяния, повелел Ною приступить к сооружению ковчега.

Стал Ной сажать кедровые деревья.

– Для чего тебе эти деревья? – спрашивали его люди.

Ной отвечал:

– Господь решил послать потоп на землю и повелел мне построить ковчег, чтобы спастись от потопа мне и семье моей.

Смеялись над Ноем люди, издевались над ним. Смеялись и шутили люди, видя, как усердно он поливает свои кедры, заботясь об успешном росте их; не переставали смеяться и тогда, когда он, срубив деревья, принялся распиливать их на доски. Все предупреждения были напрасны – и настал потоп.

Видя неизбежную гибель свою, озлобленные, обезумевшие люди пытались опрокинуть ковчег, но ковчег, по мановению перста Господня, оказался окруженным львами.

(Танх.)

Из всех исполинов от потопа спасся один только Ог, царь Васанский. Он был взят Ноем в ковчег, после того как поклялся быть вечным слугою Ною и потомкам его. Ной и прокармливал его, просовывая пищу в особое отверстие, сделанное им для этого в ковчеге.

(П. д. Ел.)

Выпущенный Ноем голубь вернулся со свежим масличным листом в клюве. И взмолился голубь к Господу, говоря:

– Господи! Лучше корм горький как лист масличный – от Твоей руки, нежели сладкий как мед – от рук человеческих.

(Санг., 108)

Двенадцать месяцев пробыл Ной в ковчеге и за все это время не знал покоя ни днем, ни ночью. Один прокорм разнороднейших обитателей ковчега требовал невероятного труда и терпения. Одни животные принимают корм в час дня, другие – в два часа, третьи – в три и четыре; эти – в первую ночную смену, те – в полночь, еще другие – на рассвете. Верблюду давалась солома, Слону – древесная листва, оленю – трава и мох, а прожорливому страусу – всякая всячина.

Были и такие животные, которых Ной и вовсе не знал чем кормить. С хамелеоном был такой случай. Однажды Ной разрезывал гранатовое яблоко; оно оказалось червивым. Находившийся близко хамелеон стал жадно подбирать выпавших из яблока червячков. С тех пор ему начали давать овощи с червоточиной.

Из всех обитателей ковчега только феникс лежал, скромно прикорнув в уголке, и на вопрос Ноя: «Отчего ты не требуешь себе пищи?» – отвечал: «Я видел, как много у тебя хлопот с другими, и не решился беспокоить тебя».

Тронутый этими словами, Ной сказал: «Ты пожалел моего труда, соболезнуя моим огорчениям. Да пошлет тебе Всевышний жизнь вечную».

(Там же)

Притча р. Леви:

Узнав о повелении Ною ввести в ковчег и представителей «всякой плоти», пришла и Ложь, стараясь прокрасться туда же. Но Ной заметил ее и сказал:

– В ковчег принимается и всякая нечистая тварь, но только «по паре». Иди же, сперва найди себе своего суженого.

Пошла Ложь искать себе суженого, а навстречу – Проклятие.

– Откуда, – спрашивает, – идешь ты?

– Ходила я, – отвечает Ложь, – к Ною, а он говорит: «Найди себе сперва пару». Не согласишься ли ты сочетаться со мною?

– Чем же ты меня вознаградишь за это?

– А вот чем. Составим договор, чтобы все приобретаемое мною, принадлежало тебе.

На том и покончили. И с той поры все, что приобретается Ложью, становится достоянием Проклятия и гибели.

(Шох-Т., 7)

Когда Ной пошел насадить виноградник, предстал пред ним некий дух по имени Самдон⁷) и предложил вступить с ним в компанию на равных началах.

– Но только, – сказал Самдон, – помни, что если ты станешь затрагивать мою долю, ты горько заплатишься за это.

(Бер.-Р., 36)

Посадил Ной первую виноградную лозу. А Сатана пришел и спрашивает:

– Что будет из этой посадки?

– Виноградник, – ответил Ной.

– Не желаешь ли взять меня в компаньоны?

Ной согласился. Что же сделал Сатана? Привел к винограднику овцу, льва, обезьяну и свинью и, заколов их, поочередно полил виноградник их кровью.

Человек, пьющий вино, обнаруживает поочередно же природные свойства всех названных тварей: вначале он кроток как овечка, потом становится отважным как лев, по мере опьянения начинает кривляться как обезьяна, и, наконец, валяется в грязи подобно свинье.

Все это произошло и с праведным Ноем.

(Танх.)

⁷ По-видимому, символ пьянства.

XVIII. Нимрод и столпотворение

Кожаные одежды, которые сделаны были Всевышним для Адама и Евы, перешли через Ноя к Нимроду. Одежды эти обладали свойством – одним видом своим укрощать самых лютых зверей. И когда облаченный в эти одежды Нимрод выходил на ловлю, птицы, животные и звери покорно склонялись перед ним. Отсюда пошла слава его, как замечательного зверолова, и этой славе он обязан избранием его на Царство.

(П. д. Ел.)

«И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес». Держали совет приближенные Нимрода – Футь, Мицраим, Хуш, Ханаан и другие родоначальники того поколения.

– Город, – говорили они, – с грозной крепостной башней небывалой донныне высоты – это даст нам возможность сосредоточить свои силы в одном месте, прославит нас по всей земле и даст нам господство и власть над всеми нашими недругами.

В народе говорили:

– Через каждые тысячу шестьсот пятьдесят шесть лет⁸) устои небесные расшатываются. Сделаем небу подпоры со всех четырех сторон света.

И еще про Бога говорили:

– По какому праву Он избрал для себя небесные высоты, а для нас юдоль земную оставил? Пойдем, построим башню и на вершине ее поставим идола, грозящего простертым к небу мечом и как бы вызывающкго Бога на бой.

С каждым днем башня росла все выше и выше и наконец достигла такой высоты, что добраться до верха для доставки строительного материала, требовалось не менее года времени.

Семь подъемов было у башни с восточной стороны и семь сходен с западной. Если падал человек и убивался насмерть, никто на это не обращал внимания, а потеря одного кирпича вызывала вопли отчаяния:

– Горе нам! Сколько придется ждать изготовления другой плитки, когда каждая минута дорога!

Смешал Господь язык их так, что один не понимал речи другого. Один скажет другому: «Принеси воды», а тот несет песку; «Поддай топор» – подает лопату. Рассвирепеет тот и раскроит ему череп.

(Бер.-Р., 38; П. д. Ел.; Сеф. Гаиаш.)

⁸ Период от сотворения мира до потопа исчисляется в 1.656 лет, и столько же от потопа до воцарения Нимрода. Потоп считался явлением периодическим, и именно через каждые 1.656 лут.

Праотцы

I. Авраам

От Ноя до Авраама десять поколений, и за все эти долгие годы Господь не говорил ни с кем из смертных, кроме Авраама.

Притча раби Нехемии:

У царя во время путешествия выпала из короны жемчужина. Велел царь принести сито и просеять песок на том месте. Просеяли раз – не нашли, другой раз – не нашли, на третий раз нашлась жемчужина. И со вздохом облегчения пронеслось кругом: – Царь отыскал свою жемчужину!

Так и Господь говорил об Аврааме:

– Какая надобность была бы перечислять родословную всех этих Сима, Арпахсада, Селаха, Евера, Фалека, Рэу, Серуга, Нахора, Фераха, если не ради тебя, Авраам?»

(Бер.-Р. 39)

В тот час, когда родился Авраам, на восточном склоне небес появилась звезда, поглотившая свет четырех звезд на четырех сторонах небосвода. Видя это, звездочеты сказали Нимроду:

– Сейчас у Фераха родился сын, будущий родоначальник племени, которому предопределено унаследовать и земной мир, и загробный. Прикажи весь дом Фераха засыпать серебром и золотом, только бы он дал умертвить новорожденного.

Послал Нимрод сказать, по совету звездочетов, Фераху: дай умертвить родившегося у тебя младенца, и царь наполнит твой дом серебром и золотом.

На это Ферах ответил притчей:

Одному коню сказали: «Дай отрежем тебе голову, а в награду за это дадим тебе полный амбар овса». «Глупцы, – отвечал конь, – если отрежете мне голову, кто же есть будет овес?» Отвечу и я: если вы умертвите моего сына, кто же унаследует серебро и золото?

– Впрочем, – прибавил Ферах, – у меня действительно родился сын, но он умер.

Пришлось Фераху прятать сына от Нимрода, и он укрыл его в пещере, где Авраам оставался три года. Для питания его Бог сделал в стенах пещеры два отверстия, из которых текли мед и елей.

Трех лет от рождения вышел Авраам из пещеры и, увидя мир Божий, стал размышлять о том, кем созданы земля и небо, и он сам. Очарованный величественным видом солнца, его светом и теплом, он весь день возносил молитвенную хвалу солнцу. Когда солнце зашло, а на небе появилась луна, окруженная мириадами звезд, Авраам подумал: «Вот это светило, очевидно, и есть божество, а маленькие светильники, его окружающие, это его вельможи, воины и слуги». Всю ночь он пел гимны луне. Но вот наступило утро; луна зашла на западе, а на востоке снова появилось солнце.

– Нет, – сказал Авраам, – есть Некто, который и над солнцем властен, и над луною. К Нему стану я возносить моления мои.

(М. – Авр., Бетъ-гам.)

Ферах занимался изготовлением идолов, которыми торговал на базаре. Однажды он поручил продажу своего товара Аврааму. Подходит на базаре человек к Аврааму и спрашивает:

– Не найдется ли для меня подходящего бога?

– А тебе какого надо? – спрашивает Авраам.

– Видишь ли, – отвечает тот, – я богатырь и хотел бы приобрести себе бога-богатыря.

Авраам снял истукана, помещавшегося выше остальных, и говорит:

– Вот этот самый для тебя подходящий.

– Но разве он богатырь?

– Глупец! – отвечает Авраам. – Уж таков искони порядок среди идолов: который поставлен выше остальных, тот богатырем и слывет.

Когда этот человек собирался уходить со своей покупкой, Авраам остановил его вопросом:

– Скажи, сколько тебе лет?

– Семьдесят.

– И тебе, прожившему на свете семьдесят лет, не стыдно воздавать божеские почести идолу, сделанному день назад.

Покупатель с презрением бросает идола, берет обратно деньги и уходит.

Подошла женщина и передала Аврааму, в дар идолам, полную миску тонкопросеянной муки. Взял Авраам палку, разбил всех идолов, кроме одного, самого крупного, которому и вложил в руки палку.

Приходит отец и спрашивает:

– Как это произошло? Кто это сделал?

– Расскажу, – отвечает Авраам, – ничего от тебя не скрывая. Дело было так: принесла женщина миску с мукою и просит принести в жертву идолам. Стал я совершать, как следует, жертвоприношение, а идолы и завели спор между собою. Один кричит: «Я хочу поесть раньше», а другой: «Нет, я раньше!» Но тут встал самый крупный идол и – видишь – разбил все.

– Но ты издеваешься надо мною, – закричал отец, – разве способны эти...

– Да? Так вдумайся же сам, отец, в слова свои...

Повел Ферах сына на суд к Нимроду.

– Это ты и есть Авраам, сын Фераха? – проговорил знаменитый зверолов, вперив в юношу грозный взор. – Отвечай же мне: разве неизвестно тебе, что я господин над всем творением, и солнце, и луна, и звезды, и планеты, и люди – все движется волей моей. Как же ты дерзнул священные изображения уничтожить?

В эту минуту озарил Господь ум Авраама мудростью, и так отвечал он Нимроду:

– Позволь мне слово сказать не в укор, но в хвалу тебе.

– Говори, – сказал Нимрод.

– Исконный порядок в природе таков: солнце всходит на востоке, а заходит на западе. Так вот, прикажи, чтобы завтра оно вошло на западе, а зашло на востоке, и тогда я признаю, что ты подлинно господин над всем творением. И еще вот что: для тебя не должно быть ничего сокровенного. Скажи мне сейчас: что у меня в мыслях и что я сделать намерен?

Нимрод задумался, важно поглаживая рукою свою бороду.

– Нет, – продолжал Авраам, – напрасно ты ищешь ответ. Не владыка Вселенной ты, а сын Хуша. И если бы ты действительно был Богом, то отчего ты не спас отца своего от смерти? И так же, как ты отца своего не спас от смерти, ты и сам не спасешься от нее.

Тут Нимрод обратился к Фераху, говоря:

– Не заслуживает ли жестокой кары сын твой, отрицающий божественное всемогущество мое? Он должен быть сожжен!

И, обращаясь к Аврааму, продолжал:

– Поклонись огню как божеству, и я пощажу тебя.

– Огню? – ответил Авраам. – Не правильнее ли поклоняться воде, которая тушит огонь?

– Хорошо, поклонись воде.

– Не поклониться ли лучше облаку, насыщенному водою?

– Я и на это согласен, – поклонись облаку.

– Но разве не сильнее ветер, разгоняющий облако?
– Поклонись же, наконец, ветру!
– Но разве человек не преодолевает и силу ветра?
– Довольно! – воскликнул Нимрод. – Я поклоняюсь огню и тебя заставлю ему поклоняться.

– Бросить его в огонь! – приказал он слугам. – И увидим, спасет ли его тот Бог, которому он поклоняется.

Повели Авраама к калильной печи, связали его, распростерли на каменном помосте, обложили дровами с четырех сторон, с каждой стороны на пять локтей в ширину и на пять локтей в высоту, и подожгли. Видя это, соседи Фераха и прочие сограждане его стали наступать на него с угрозами, говоря:

– Стыд и позор тебе! Не сам ли ты говорил, что сыну твоему суждено унаследовать и земной мир, и загробную жизнь, и ты же предал его Нимроду на казнь!

Но сам Всевышний сошел с неба и спас Авраама от смерти.

(Т. д. Ел; Бер.-Р., 38)

В ту минуту, когда Авраам был брошен в печь, воззвал архангел Гавриил к Господу:

– Владыка миров! Позволь мне сойти, остудить печь и спасти праведника.

– Нет, – ответил Господь, – Я Един в вышних, а он един на земле. Единому и подобает спасти единого. Но и тебя, Гавриил, ждет подвиг: ты в свое время спасешь троих из потомков его.⁹⁾

(Пес., 118)

И зазвучал Аврааму голос нагорный:

Я был с тобой, когда, во славу Божью,
Бесстрашно в лютый пламень ты сошел
И на земле к святыне веры чистой
Народам путь свободный указал.
Тебя избрал и возлюбил Я прежде,
Чем первую денницу Я зажег, —
И благодатна жизнь твоя для мира,
Как благодатны росы для полей.

(Бер.-Р., 39)

Авраам, оставаясь в Харране, подобен был сосуду, наполненному благовонным елеем, но закупоренному и лежащему без употребления, почему аромата его и не слышно. Откройте сосуд, дайте ему движение с места на место, – и тогда только обнаружится сила его благоухания. И Господь сказал:

– Авраам, много добрых дел, много подвигов веры и благочестия ты можешь совершить. Встань же, пойдя из земли твоей, от родни твоей, из дома отца твоего, – и имя твое возвеличится в мире Моем.

(Бер.-Р., 39; Ш. – Гаиш. Р., 1)

«И я произведу от тебя великий народ».

И отчеканена была монета с изображением: на одной стороне – старика и старухи, а на другой – юноши и девушки (символ непрерывного возрождения и обновления жизни).

(Бер.-Р., 39)

⁹ Хананию, Мисаила и Азарию.

«И взял Авраам с собою Сарру, жену свою, и всех людей, которые были приобретены им в Харране».

Дом Авраама служил гостеприимным приютом для всякого, и люди находили там не только радушный прием, но также и наставление в истинной вере. А приведение хотя одной души «под сень крыльев Шехины» (духа Божия) равносильно созданию ее и утверждению в жизни вечной.

(Ш. Гаим. Р.)

Приближаясь вместе с Саррою к границам Египта и зная дурные нравы потомков Мицраима, Авраам спрятал Сарру в сундук. У заставы стали его допрашивать, что он везет в этом сундуке.

– Ячмень, – сказал Авраам.

– Не пшеницу ли? – спросили надсмотрщики.

– Возьмите пошлины как за пшеницу.

– Может быть – перец?

– Возьмите как за перец.

– А не находится ли в этом сундуке золото?

– Я готов заплатить как за золото.

– А вдруг там окажутся шелковые ткани?

– Считайте как за шелковые ткани.

– Но в сундуке может быть и жемчуг?

– Пусть по-вашему – заплачу как за жемчуг.

– Нет, – заявили они, – тут что-то неладное. В этом сундуке, должно быть, находится нечто необыкновенно ценное, и ты шагу не сделаешь, прежде чем сундук не будет открыт.

Пришлось подчиниться. И когда Сарра вышла из сундука, от красоты ее разлилось сияние по всему Египту.

(Б.-Р., 40; Танх.)

Желая, со свойственным ему радушием, достойно принять трех странников (ангелов), посетивших его у дуба Мамврийского, Авраам поспешил в шатер к Сарре заказать лепешек, масла и молока, а затем побежал к стаду «выбрать теленка нежного и хорошего». Но теленок побежал в сторону от шатра и скрылся в пещере Махпела. Проникнув в эту пещеру, Авраам невольно остановился, пораженный чудным видением: озаренные пламенем светильников, в гробнице покоились Адам и Ева, и благоухание исходило от останков первородной четы. Эту пещеру Авраам и избрал местом вечного успокоения для себя и для Сарры.

(П. д. Ел.)

II. Грехи Содома

Молясь о прощении грехов Содому и Гоморре, Авраам взывал к Всевышнему, говоря:
– Судья всей земли поступит ли неправомерно? Господи! Если Ты желаешь, чтобы мир устоял, отмени суд Свой, а исполнится суд Твой – миру не быть. Ты затягиваешь петлю с обоих концов; ослабь сколько-нибудь один ее конец – прости людям хотя часть их грехов, ибо иначе миру не устоять.

(Бер.-Р., 49)

Содом находился в цветущем состоянии, и это сделалось причиной гордыни и порочности жителей его.

– Мы, – говорили они, – живем в покое и изобилии, – хлеб идет из Содома, отсюда же вывозятся серебро, золото, драгоценные камни и жемчуг. Для чего нам пускать сюда странников, от которых один только убыток? Воспретим же посторонним вступать в пределы нашего города.

Четверо судей было в Содоме: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацлидин¹⁰). Этими судьями были установлены такие правила:

Кто имеет вола, обязан пасти общественное стадо один день, а кто никакого скота не имеет, – два дня.

Был там некий бедняк, сын вдовы; заставили его пасти стадо. Встал этот пастух и убил весь скот, а жителям заявил так: «Тот, у кого была скотина, получает кожу одного животного, а тот, кто скотины не имел, получает две кожи. Это будет вполне последовательно по вашим законам».

Далее:

Если кто отрежет ухо у чужого осла, животное поступает в полное его распоряжение до тех пор, пока не отрастет отрезанное ухо.

Если кто нанесет другому увечье, пострадавший вносит ему плату как за кровопускание.

Кто пройдет через мост, уплачивает четыре зуза¹¹), а кто переберется вброд, – восемь зуз.

Попал туда однажды человек, по ремеслу шерстобит. Потребовали с него четыре зуза мостовой платы.

– Но ведь я мост не переходил, – возражал он, – а перешел вброд.

– Тогда уплати восемь зуз.

Тот не согласился. Избили его. Пошел он с жалобой в суд; а там его присудили к уплате восьми зуз за переправу через брод, и отдельно за то, что ему кровь отворили.

Был случай с Елезаром, слугою Авраама. Его избили, а когда он пришел жаловаться, судья постановил взыскать с него за кровопускание. Поднял Елезар камень и, изувечив судью, заявил:

– Следующее мне от тебя заплати моему истцу, а мои деньги при мне останутся.

Завернул в Содом на ночлег некий странник. На осле его навьючен был, перевязанный шнуром, дорогой, разноцветного узора ковер. Странника встретил один содомлянин и любезно пригласил его на ночлег. В продолжение двух дней не отпускал его гостеприимный хозяин. Когда же странник собрался наконец в дорогу и спросил у хозяина ковер со шнуром, тот прикинулся непонимающим, о чем ему говорят:

¹⁰ Шакрой и Шакрурай – от слова «шекер», т. е. ложь; Зайфой – от «зайфон»: поддельватель; Мацлидин – извращающий правосудие.

¹¹ Серебряная монета.

– Ковер? Какой ковер?.. Ага, понимаю: тебе приснился ковер... Разноцветный, говоришь ты? И еще шнур приснился тебе? Это, милый человек, сон хороший, к добру тебе: шнур, который ты видел во сне, предвещает тебе долгую жизнь, а ковер разноцветный означает, что ты приобретешь прекрасный сад со всевозможными плодовыми деревьями. Вот, друг мой, что означает сон твой.

– Какой там сон! – запротестовал странник. – Не во сне, а наяву я сдал тебе на хранение ковер со шнуром и требую, чтоб ты мне их возвратил.

Отправились к судье. А судья, выслушав обоих, заявил страннику:

– Сей почтенный гражданин, оказавший тебе столь радушный прием, издавна известен у нас как превосходный толкователь снов, и за то, что он так хорошо истолковал твой сон о ковре и шнуре, ты должен уплатить ему четыре серебряника, – это по таксе, и сверх того за все, что съедено и выпито тобою в эти два дня.

Стояла у них кровать, на которой укладывали спать странников. Если человек оказывался ростом длиннее кровати, ему обрубали ноги; если короче – у него вытягивали члены.¹²

Если попадал туда нищий, хлеба ему не подавали, а каждый давал по монете, на которой надписывал свое имя, и бедняк в конце концов умирал голодной смертью. Тогда каждый брал свою монету обратно.

Была там одна девушка, которая принесла тайком, спрятанным в кувшине, кусок хлеба для нищего. Прошло три дня, а нищий был еще жив. Узнав о поступке девушки, содомляне вымазали тело ее медом и, поставив девушку на верху городской стены, выпустили на нее рой пчел. Девушка в страшных мучениях скончалась.

Был еще такой случай.

Встретились у колодца две девушки. Одна из них имела вид крайне изможденный и с трудом держалась на ногах. На вопрос подруги: что с нею, она рассказала, что в доме у них все припасы истощились, и семью ждет голодная смерть. Другая, желая помочь несчастным, сходила домой и, наполнив свой кувшин мукою, тайком поменялась с подругой кувшинами. Но это открылось, и «преступницу» предали сожжению.

И Господь сказал: «Теперь, если бы Я и хотел промолчать, голос этой мученицы властно требует от меня ответа».

(Санг., 108—109; Сеф. Гаиаш, Бер.-Р., 49)

Жена Лота стала соляным столбом.

Кара эта постигла ее за то, что в ту ночь, когда к ним в дом пришли три странника-ангелы, она пошла по соседям, говоря: «Одолжите соли, – у нас гости». А целью ее было накликать на странников содомлян. Господь и обратил ее в соляной столб. Ежедневно к тому месту приходили козы и слизывали столб до основания; на завтра же столб появлялся снова.

(Бер.-Р., 49; Сеф. Гаиаш.)

¹² Вариант предания о древнем легендарном разбойнике в Аттике, Прокрусте, которому приписывается изобретение т. н. «прокрустова ложа».

III. Потомство Авраама

Раби Леви, со слов р. Иоханана, рассказывал притчу:

«Одному страннику лежал путь через пустынную местность. На всем пути в продолжение десяти дней не встретил он ни поселения, ни корчмы, ни даже воды и какой ни на есть растительности. Наконец, показалось вдали дерево. А под деревом оказался источник. Поел странник плодов от дерева, утолил свою жажду, отдохнул в тени и, собравшись в дальнейший путь, обратился к дереву с такими словами:

– Милое дерево! Как тебя благодарить и чего пожелать тебе? Чтоб рост твой был хорош? Но ты и так стройно и прекрасно. Чтоб ветви твои были густолиственны? Но листва твоя и теперь уже густа и обильна. Чтоб плоды твои были сочны и сладки? Но они и теперь сочны и сладки. Чтобы ты не терпело недостатка во влаге? Но источник прекрасной воды бьет у корней твоих, и место, где ты растешь, прекрасно. Остается пожелать тебе одного: чтобы все побеги, которые пойдут от тебя, были во всем тебе подобны».

Так, после двадцати поколений, представлявших собою пустыню, появляется Авраам, самоотверженный служитель Господа, гостеприимный хозяин, наставник истинной веры, возвеличивающий в мире имя Бога живого и вечного. И вот, остановив на нем взор Свой, Господь говорит:

– Авраам! Что Мне сказать тебе и чем тебя благословить? Ты и теперь уже образец праведности и совершенства, и жена твоя, Сарра, исполнена благочестия и добродетели, и все домочадцы твои – люди праведные. Одного пожелаю тебе: чтобы все потомки твои были тебе подобны.

(Бам.-Р. 11)

«На смех поступил со мною Бог. Кто услышит обо мне, рассмеется, – говорила девяностолетняя Сарра, – кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью?»

Сколько же детей кормила грудью Сарра?

Рождение Исаака вызывало у всех естественное недоумение, и клевета стала переходить из уст в уста. «Полюбуйтесь, – говорили кругом, – старик и старуха подобрали где-то подкидыша и выдают его за собственного ребенка! И мало того, еще пиршество устраивают по этому случаю. Однако кого же они этим убедят?»

Слыша эти пересуды, Авраам пригласил на пир почтеннейших соседей с их женами, а последних Сарра попросила принести с собою грудных детей своих, но без их кормилиц. Когда приглашенные явились, Бог сотворил чудо: превратил сосцы Сарры в неистощимый источник молока, и она поочередно накормила грудью всех принесенных детей.

Не видя возможности после этого отрицать подлинность материнства Сарры, клеветники попытались было опорочить супружескую верность ее, указывая на слишком преклонный возраст Авраама. Но сходство лица Исаака с лицом Авраама сделалось настолько полным и очевидным, что все поневоле стали говорить: «Да, Исаак – сын Авраама».

(Б. М., 87)

Авраам встал рано утром, взял хлеба и мех воды, и дал Агари, и отпустил ее с отроком ее, Измаилом, в пустыню Вирсавии.

Чадру Агари Авраам прикрепил у нее к поясу, дабы конец ткани, влачась за нею по песку, оставлял след, по которому он мог бы определить, в которую сторону она направилась.

Измаил поселился в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из степей Моавитских, по имени Исса.

По прошествии трех лет пошел Авраам в пустыню Фаран повидать Измаила; а Сарре поклялся он, что не сойдет с верблюда в том месте, где живет Измаил.

Прибыл Авраам к шатру Измаила в полдень и, застав только жену его, спросил:

– Где находится Измаил?

– Он ушел вместе с матерью, – ответила Исса, – за финиками и другими плодами в оазис.

– Я очень устал от пути в пустыне, – сказал Авраам, – дай мне немного воды и хлеба.

– Нет у нас, – ответила она, – ни воды, ни хлеба.

Отъезжая от шатра, Авраам сказал:

– Когда возвратится муж твой, Измаил, скажи ему: приезжал некий старец из Ханаана, чтобы повидать тебя, и велел тебе сказать: не хорош порог в жилище твоём.

Когда возвратился Измаил, жена рассказала о приезде Авраама, повторив последние слова его.

Измаил отослал Иссу обратно в дом ее родителей, а мать взяла ему другую жену, из рода отца своего, и звали ее Фетума.

Прошло еще три года, и снова отправился Авраам повидать сына своего Измаила и, как и в первый раз, поклялся Сарре не сходить в том месте со своего верблюда. Прибыл он и на сей раз в полдень и, застав у шатра жену Измаила, спросил:

– Где находится Измаил?

– Погнал, – ответила она, – вместе с матерью верблюдов на пастбище.

– Я очень устал, – сказал Авраам, – от пути в пустыне. Дай мне немного воды и хлеба.

Вынесла Фетума воды и хлеба и дала ему.

Встал Авраам и вознес молитву к Господу, – и дом Измаилов наполнился всякого добра в изобилии.

Когда возвратился Измаил, жена его рассказала ему о происшедшем. И понял тогда Измаил, что отныне милость отца его почил на нем.

(П. д. Ел., 30)

IV. Жертвоприношение Исаака

Когда Исаак был отнят от груди, Авраам устроил большой пир. Сатана же говорил перед Господом:

– Владыка! Вот каков этот праведник Твой: пирует с гостями, а принес ли в жертву Тебе хотя одного вола, хотя одну горлицу, одного птенчика?

– Авраам, – ответил Господь, – находит высшую радость в сыне, но вот увидишь, я велю ему принести сына в жертву, и он тотчас исполнит Мою волю.

В последний раз перед вечной разлукой с сыном Авраам отпраздновал рождение его семейным пиром, а Сарре сказал так:

– Я познал Истинного Бога, когда мне было три года, сын же наш подрос и до сих пор не получил еще наставления в истинной вере. Я знаю одно место, где детям дается хорошее воспитание, и желаю отвести туда нашего сына.

– Отправляйся с миром, – ответила Сарра.

Снаряжая сына в дорогу, Сарра надела на него лучшую одежду его, а голову повязала дорогой шалью с застежкой из драгоценных камней, и провизии дала вдоволь для него и для Авраама. На прощание обнимая Исаака и не в силах удержать душившие ее слезы, Сарра говорила Аврааму:

– Умоляю тебя, господин мой, не спускай глаз с сына нашего в пути, береги его, давай ему поесть и попить вовремя, не утомляй его ходьбой по жаре, – ты знаешь, нет у меня ни сына, ни дочери кроме него, единственный он у меня.

Долго и горько плакала Сарра, провожая сына с мужем. Плакали и все бывшие при этом люди, слуги и служанки Авраама и Сарры.

Немало слуг было у Авраама, но он сам оседлал себе осла: так сильна была и в этот час величайшего испытания любовь его к Богу.

Предстал сатана Аврааму в образе старца и спрашивает:

– Куда это идешь ты, Авраам?

– На богомолье, – отвечает Авраам.

– А для чего ты огонь, нож и дрова взял с собою?

– Чтоб можно было, на случай, если задержимся в пути день-другой, горячую пищу готовить себе.

– Старик, – сказал сатана, – не сам ли слышал я, как Бог сказал тебе: «Возьми сына своего»? И у тебя, старика, хватает жестокости повести сына на заклание?

– Такова воля Божия, – отвечал Авраам.

Предстал сатана Исааку в образе юноши и спрашивает:

– Куда идешь ты, отрок?

– Поучиться слову Божию, – отвечал Исаак.

– Когда именно, – продолжает сатана, – при жизни или же после смерти?.. О, несчастное дитя несчастной матери! Сколько дней провела в посте и скорби мать твоя, вымаливая себе сына, а этот безумный старик отнял тебя у нее и ведет на заклание!

– Если бы это и было так, как ты говоришь, то и тогда я не пойду против великого моего Творца и воли отца моего.

Видя невозможность совратить их, пошел сатана и обратился в многоводную реку, заградив им дальнейший путь. Вступил Авраам в реку, а когда вода стала достигать ему до шеи, поднял он взор свой к небесам, взывая:

– Владыка мира! Ты избрал меня и открылся мне, говоря: «Един Я, и ты единственный, чрез кого мир познает имя Мое». Повелел мне заклать сына, и я немедля пошел исполнить

Твое веление. А теперь, Боже, спаси меня! Ибо воды дошли до души моей. Если утонем, я или сын мой, кто же исполнит слово Твое и кем провозглашено будет Единство Твое?

– Клянусь, – сказал Господь, – что через тебя мир узнает о Едином.

Прикрикнул Господь на сатану, и в тот же миг высохла река.

Что придумал сатана? «Слышал я из-за Горней Завесы, – говорит он Аврааму, – такие слова: «Не Исаак, но овен предназначен для жертвы всежжения».

На это Авраам ответил:

– Такова судьба лжеца: когда он и правду скажет, ему никто не верит.

Три дня продолжался путь, дабы люди не стали говорить об Аврааме: ему не дали опомниться; обезумел человек и заколол сына.

Дальнейший путь шел по долине. Но так как место жертвоприношения Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановению перста Божьего окружающие долину горы сомкнулись и образовали одну горную возвышенность, достойную служить подножием для Духа Вечного.

– Видишь ли ты, сын мой? – спросил Авраам.

– Вижу, отец, дивных очертаний гора поднялась, и облаком повита вершина ее.

– А вы, – обратился Авраам к сопровождавшим его отрокам, – видите вы что-нибудь?

– Нет, – сказали отроки, – ничего особенного не видим; все те же пустыри кругом.

– Оставайтесь же тут, при осле, – сказал им Авраам.

Взял Авраам дрова для всежжения и возложил на Исаака – подобно тому, как возлагают крест на плечи человека, ведомого на распятие, взял в руки огонь и нож, и пошли дальше.

Тут великий страх напал на Исаака. «Отец, – сказал он, – я вижу огонь и дрова; где же агнец для всежжения?»

– Тебя, сын мой, избрал Господь на жертву Себе, – ответил Авраам.

И сказал Исаак:

– Если так угодно Богу, да исполнится воля Его. Об одном только скорбит моя душа: что станет с матерью моей?

И оба они, этот отец, готовый казнить собственного сына, и этот отрок, безропотно идущий на заклание, принялись за работу: делали помост из камня, складывали костер, высекали огонь. Авраам подобен был отцу, ведущему сына к венцу, Исаак – жениху, приготовляющему себе венчальный балдахин.

– Скорее, отец! – торопил Исаак Авраама. – Спешу исполнить волю Господа и, смотри, хорошенько сожги меня, а пепел мой собери и отнеси к матери,

– она сохранит его как память обо мне, казненном тобою. Ах, отец, отец! Что вы станете делать на старости, осиротелые и одинокие?

– Сын мой, – отвечал Авраам, – нам жить осталось недолго, и Тот, Кто доньше был утешением нашим, нас и впредь не оставит.

– Отец, – говорил Исаак, – ты знаешь, душа строптива; трудно ей расстаться с телом. Боюсь, как бы, увидев нож, занесенный надо мною, я как-нибудь не пошевельнулся бы, и жертва сделается несовершенной и неприемлемой. Так смотри, отец, хорошенько по рукам и ногам свяжи меня.

– И матери, – продолжал он, – не говори, если застанешь ее стоящей возле колодца или на кровле, – она, упаси Бог, упадет и разобьется насмерть.

Лежал Исаак на жертвеннике, устремив взор в глубину небес. И не в силах был Авраам оторвать глаз от сына; и плакали эти старые глаза слезами беспредельного горя и отчаяния. Вот он взял в руку нож... Не дрогнет его рука, пока четвертая часть крови не выйдет из тела сына. Но сатана оттолкнул руку Авраама, и нож, падая, со звоном ударился о камни жертвенника. Нагнулся Авраам за ножом, но в это мгновение потрясающий вопль вырвался из груди его, глаза, полные невыразимой скорби, поднялись к небесам, и голос его зазвучал:

«Подъемлю к горам очи мои —

Откуда придет помощь моя?»

В это мгновение небеса расступились над Исааком, и видел он: в ослепительном блеске катится Колесница Небесная; тесными рядами сонмы ангелов сомкнулись, и звучат их голоса:

«Глядите, единственный единственного на заклятие привел!»

В это мгновение раздался небесный голос: «Не поднимай руки твоей на отрока».

– Кто ты, говорящий ко мне? – спросил Авраам.

– Я – ангел Господен, – был ответ.

– Нет, – сказал Авраам, – я не могу послушаться слов твоих. Господь Сам повелел мне принести в жертву сына моего, и от Него я желаю услышать об отмене Его веления.

Разорвались облака, распахнулась лазурь.

– Клянусь! – раздался голос Господен.

– Ты поклялся, Господи, – вновь заговорил Авраам, – но и я поклялся, что не сойду с этого жертвенника прежде, нежели не выскажу всего, чего желаю я.

– Говори, – сказал Господь.

И говорил Авраам:

– Не обещал ли Ты, Господи, говоря: «Сосчитай звезды, – так же неисчислимо будет потомство твое»?

– Да, обещал, – ответил Господь.

– От кого же пойдет потомство мое?

– От Исаака.

– Не говорил ли Ты далее: «И сделаю потомство твое, как песок земной?»

– Да, Я говорил это.

– От кого?

– От Исаака.

– И вот, Господи, я мог бы сказать Тебе: «Вчера Ты обещал мне потомство от Исаака, а ныне велишь повести его на заклятие», но я преодолел ропот сердца моего и не стал заклинать Тебя, так поступи и Ты, Господи: когда согрешат потомки Исаака и навлекут на себя несчастье, вспомни тогда жертвоприношение Исаака, и да зачтется это перед Тобою, как если бы от него один ворох пепла остался на жертвеннике; вспомни об этом и прости потомкам его и избавь их от бедствия.

Отвечал Господь:

– Я выслушал слова твои; теперь слушай, что Я скажу: предопределено потомкам Исаака грешить предо Мною; и раз в году, в день Новолетия, совершаться будет суд Мой над ними. А дабы Я смягчал вину их, вспомнив о жертве Исаака, пусть они трубят в рог этот...

– О каком роге говоришь Ты, Господи?

–оборотись назад.

И взглянул Авраам, и видит: овен запутался в чаще рогами своими.

Весь день после этого перед Авраамом мелькал овен: зацепит рогами за ветви дерева и едва успеет высвободиться, как тут же запутается в кустарнике.

– Авраам! – сказал Господь. – Так и потомкам твоим суждено: запутавшись в грехах, они будут скитаться из страны в страну, из царства в царство.

– Господи! – вырвался крик из груди Авраама. – Когда же наступит конец их скитальчеству?

И был ответ:

«Придет Господь. Как молния из тучи,
Сверкнет стрела Его; Он возгремит трубой,
И в бурях юга шествовать он будет.

Сынов твоих Бог Воинств защитит;
И будут ликовать они, как от сикеры,
И камни пращные ногами попирают:
И радостью и мощью их сердца
Наполнятся, как жертвенная чаша
И как алтарь по всем его углам.
Подобно пастырю, Господь спасет народ Свой,
И он в стране Господней воссияет,
Как адаманты в царственном венце...»

(Танх.; Санг., 9., Сеф. Гапаш.; Еруш., Таан)

V. Целебный камень

По преданию от р. Симеона бен Иохай, Авраам носил на шее некий драгоценный камень, при взгляде на который люди излечивались от всякой немощи. После кончины Авраама Всевышний вправил этот чудесный камень в солнечный диск.

Абайя по поводу этого предания вспоминал древнюю поговорку: «Встанет солнце – встанет и больной»¹³).

И недаром, как говорил рав Ханан бар Аба со слов Рава, люди, узнав о смерти Авраама, восклицали:

– Горе миру, лишившемуся своего руководителя! Горе кораблю, потерявшему кормчего своего!»

(Б.-Б., 17 и 91)

¹³ Применительно к свойствам солнечной теплоты, целебная сила которой, по-видимому, признавалась и в древние времена.

VI. Иаков и Исав

Два побега вышли рядом из земли, один – мирта, другой – терновника. Вначале они мало чем отличались один от другого, а когда выросли и расцвели, один покрылся душистой листвой, а другой колючками.

Так росли рядом Иаков с Исавом, в ранней юности ничем не отличаясь друг от друга. Но они подросли и разошлись в разные стороны: Иаков посвятил себя служению Истинному Богу, а Исав – идолам.

(Бер.-Р., 63)

VII. Слепота Исаака

Раби Елизар бен Азария говорил:

– Видя Исаака, лежащим на жертвеннике, плакали ангелы, и слезы ангельские падали на глаза Исаака, оставляя следы на зеницах его. От этого к старости и потускнели глаза Исаака.

(Мид. Абк.)

VIII. Благословение Исаака

Домашние скрывали от Исаака идолопоклонство Исав, а сам он, вследствие слепоты, не мог видеть этого. Был канун пасхальной ночи¹⁴). И сказал Исаак Исаву:

– Знаешь, сын мой, эту ночь весь мир встречает хвалебным гимном. В эту ночь родники росы открываются. Приготовь мне мое любимое кушанье, и пока я жив, я благословлю тебя.

И не расслышал он голоса Духа Святого: «Не вкушай пищи у человека завистливого и не прельщайся лакомыми яствами его».

Отправился Исав на ловлю и замешкался там. Ибо послал Господь сатану задержать его там подольше. А сделал это сатана так: поймает Исав оленя, свяжет ему ноги и оставит лежать, погонится за другим оленем, и также свяжет его, и побежит дальше; а сатана идет по следам его, развязывает оленей и пускает на волю. Возвращаясь и не находя своей дичи, Исав сызнова принимался за ловлю. А в это время Ревекка говорила Иакову:

– В эту ночь, сын мой, источники рос открываются. В эту ночь небесные духи поют славу, и это время самое благоприятное, чтоб получить благословение от отца.

Вошел Иаков к отцу, и показалось слепому Исааку, что воздух вокруг него наполнился благоуханием рая.

– Вот, – сказал Исаак, – благоухание от сына моего, как запах от поля, благословенного Господом.

А когда, по уходе Иакова, вошел Исав, «вострепетал Исаак великим трепетом», потому что в это мгновение ему привиделись отверзнутые бездны ада и Исав, подкладывающий дрова в печи адские.

(Пир. д. Ел.; Танх.)

¹⁴ Т. е. той ночи, в которую впоследствии израильтяне стали праздновать исход из Египта. Более вероятный смысл: канун первой весенней ночи, начало возрождения природы, которое, в той или иной форме, праздновалось повсюду, а особенно пастушескими племенами библейской древности.

IX. Иаков

«Иаков вышел из Вирсавии и пошел в Харан. – И остановился ночевать, потому что зашло солнце».

К одному царю приходил изредка его преданный друг. И царь говорил слугам: «Потушите светильники, потушите лампы; наедине я желаю беседовать с моим другом».

И Господь повелел заблаговременно погасить¹⁵) солнечный диск, дабы втайне и задумшевно говорить с Иаковым.

«И взял Иаков из камней того места» – и сделал ограду для защиты от зверей.

Заспорили камни между собою, которому из них послужить изголовьем. Этот говорит: «Я хочу, чтоб на мне покоилась голова праведника»; другой говорит: «На мне!» Чудесным образом все камни слились в одну сплошную плиту.

«Увидел Иаков во сне: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы восходят и сходят по ней».

Это были духи-покровители четырех царств «пленения и изгнания» Израиля.

«И вот Господь стоит над ним».

При появлении Всевышнего упорхнули духи, навевавшие на Иакова мрачные видения грядущих веков. И стоял Господь и, как добрая няня, опахивал лицо спящего.

Рав Исаак говорил:

– Вся землю Ханаанскую Господь свернул, как сворачивают свиток папируса, и, положив ее под изголовье Иакова, сказал:

– Землю, на которой ты лежишь, я отдам тебе и потомкам твоим.

(*Бер.-Р., 69; Хул., 91*)

¹⁵ В подлиннике игра слов: «ki-wo haschemesch» – ибо зашло солнце, «kiwo haschemesch» – погасил солнце.

Х. Гробница Рахили

Гробница эта находится по дороге в Вифлеем. Провидел Иаков, что по этому пути будут проходить, отправляясь в изгнание, потомки его, и похоронил он там Рахиль, дабы она молила Господа о милосердии к изгнанникам. Об этом и гласит стих пророка: «Вот, голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание, – Рахиль плачет о детях своих».

(Танх.)

XI. Иосиф в Египте

«И увидел господин его, что Господь с ним, и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех».

Как виночерпий, Иосиф обладал чудесным свойством. Бывало, он нальет вина Потифару.

– Это какое вино? – спросит Потифар.

– Пряное, – отвечает Иосиф.

– А я хочу полынного.

И сладкое вино мгновенно превращается в полынное.

Потребуется Потифар согретого вина – вино тотчас же становится теплым.

То же самое с водою и проч.

Потифар и поставил его главным правителем в доме и все, что имел, отдал на руки его.

(Танх.; Бер.-Р., 87)

Иосифу в то время было семнадцать лет, он был в полном расцвете красоты. Дня не проходило, чтобы Зелика, жена Потифара, не говорила ему о своей страсти. По три раза на день она меняла свои одежды, стараясь обольстить его.

– О, как прекрасен ты! – говорила Зелика. – Как дивно прекрасны глаза твои! Как упоительно сладок голос твой! Возьми арфу мою и спой мне песню под звуки струн ее... А кудри, кудри твои! Возьми себе этот золотой гребень, Иосиф, возьми и расчеши им кудри свои!.. О, как прекрасен ты, возлюбленный мой!..

– Иосиф! – говорила она, переходя от мольбы к угрозам. – Горе тебе, если ты не ответишь на любовь мою: кандалами железными отягощу тебя, жизни твоей не пожалую!..

– Что с тобою, Зелика? – спрашивали египтянки, подруги ее. – Чего еще не достает тебе, жене вельможи знатного, любимца фараонова?

– Чего мне не достает? – отвечала Зелика. – Сейчас вы узнаете это.

В то время, когда эти египтянки занялись предложенными им плодами, очищая их острыми ножиками, в комнату, по зову Зелики, вошел Иосиф. Впились они глазами в лицо его и порезали себе до крови пальцы. Застывшие в очаровании, глядели они на лицо его, не видя и не чувствуя, как капала кровь из порезанных пальцев на плоды, на стол, на туники их...

– Вот, – сказала Зелика, – при одном взгляде на него вы так очарованы, поражены красотой его. Что же должна испытывать я, постоянно видя его, под одной кровлей находясь с ним?..

С каждым днем росла и крепла страсть ее. Но не уступал Иосиф ни мольбам, ни угрозам ее.

Наступил день разлития Нила. С великою радостью, с музыкой и плясками, сопровождаемый несметными толпами, пошел фараон с волхвами и вельможами своими к берегам священной реки их. Пошел туда и Потифар со всеми своими людьми, и остались в доме его только Зелика и Иосиф.

Тончайшими благовониями умащенная, облаченная в роскошнейшие одежды свои, вся осыпанная драгоценными камнями – притаилась Зелика в одном из покоев, мимо которых должен был пройти сейчас Иосиф. Опьяняющим ароматом корицы и ладана, мирры и алоэ был насыщен воздух кругом... Послышались шаги. Вдали показался Иосиф... Вот он остановился... По тишине, стоявшей кругом, по необычному обилию и изысканности ароматов от курильниц он понял, кто стережет приближение его... Быстрым движением повернулся он назад... Но Зелика одним прыжком очутилась возле него, судорожно ухватила за одежды его... Молнией сверкнуло лезвие кинжала в руке ее... «Ты пойдешь ко мне!» – подобно шипению раздался грозный шепот над ухом его... Одно мгновение – один порыв – фигура Иосифа исчезла вдали, а в руке у Зелики остался разорванный плащ его...

(Танх.; Сеф. Гаиаш.)

Призвал фараон всех волхвов и мудрецов Египта и рассказал им сон свой; но не было никого, кто бы истолковал его фараону.

– Семь тучных коров, – говорили эти мудрые снотолкователи, – означает, что у тебя родится семь дочерей. Семь тощих коров – семь дочерей ты похоронишь. Семь тучных колосьев – семь царств завоеешь. Семь тощих колосьев – семь областей отложатся от короны египетской.

И вот, после того как волхвы Египта и мудрецы его истожили все свое искусство, нисколько не облегчив угнетенной души фараона, тогда был призван Иосиф; и повелитель Египта сразу увидел все ничтожество прежних снотолкователей.

(Бер.-Р., 89)

В одеждах виссонных, с царским перстнем на руке, с золотой цепью на шее, верхом на могучем коне, из коней фараоновых, повезли Иосифа по улицам столицы египетской. Пять тысяч воинов, сверкая обнаженными мечами, шли хороводом впереди него; звуки тысячи цитр и тысячи бубен, предшествовавших им, сливались со звуками тысячи арф, заключавших это великолепное шествие. Отряды почетного конвоя фараона, все в присвоенных званию их кожаных, покрытых золотом, поясах, шли по правую и левую руку его. Кровли домов покрыты были толпами женщин и девушек, высыпавших из домов, чтобы полюбоваться красотой Иосифа. По всему пути стояли курильницы с душистыми корнями и травами, и громко раздавались голоса двадцати глашатаев: «Преклоняйтесь перед Цафнаф Панеахом! Фараоном поставлен он над всею землею египетской».

Полный глубокого благоговения, поднял Иосиф взоры свои к небу и воззвал к Предвечному:

«Из праха Ты подъял меня,
Из бренья нищего возвысил.
Господь! Блажен, кто на Тебя
Свои возложит упованья».

(Сеф. Гаиаш.)

Раби Хийя бар Аба говорил со слов р. Иоханана:

– Слыша сказанное фараоном Иосифу: «Властью фараона говорю тебе: Без тебя никто не посмеет шагу ступить во всей земле Египетской», – волхвы и звездочеты говорили фараону:

– Государь! Рабу, купленному за двадцать серебреников, ты даешь власть над нами!

– В этом рабе, – отвечал фараон, – я вижу признаки царского величия.

– Но если так, – продолжали те, – потребуй от него, по крайней мере, знания, подобно тебе, всех семидесяти языков.

– Хорошо, – сказал фараон, – я спрошу его об этом.

В ту ночь Иосифу явился архангел Гавриил и научил его всем семидесяти языкам и наречиям. Наутро фараон стал испытывать Иосифа, – Иосиф свободно отвечал на любом из семидесяти языков, а в заключение сам обратился к фараону на языке, повелителю Египта совершенно незнакомом.

– На каком это языке ты говоришь? – спросил фараон.

– На еврейском, – ответил Иосиф.

– Научи меня этому языку, – стал просить фараон.

Иосиф исполнил его желание. Но не сумел научиться фараон священному языку, и взял он с Иосифа клятву, чтобы это осталось тайной между ними.

(Бер.-Р., 89; Сота, 36)

ХII. Братья Иосифа в Египте

Когда сыновья Иакова собрались в Египет для закупки хлеба, отец им сказал:

– Дети мои, все вы одарены от Господа и силой, и красотой. Дабы не возбуждать лишнего любопытства, не входите вместе в одни ворота и, вообще, не держитесь близко один к другому.

Предание от рав Иегуды бар Симона:

– Иосифу известно было, что братья его идут в Египет для закупки хлеба, и, дабы узнать немедленно о их прибытии, он у всех ворот поставил особых людей, которым поручено было вести ежедневные записи по имени и отчеству всех приезжих, а вечером списки представлять Иосифу. Убедившись таким образом, что братья его все налицо, хотя они и входили через разные ворота и находились в разных местах в городе, Иосиф повелел закрыть все зерновые склады и оставить открытым единственное зернохранилище. Дав заведующему список имен десяти братьев, Иосиф приказал, когда явятся эти люди, немедленно задержать их и доставить к нему.

Прошло три дня, а братья к зернохранилищу не являлись. Пошли их разыскивать и нашли поодиночке бродящими по городу из одной улицы в другую, с одного базара на другой; задержали их всех и доставили к Иосифу.

«Узнал их Иосиф, но сделал вид, будто не знает их» – как человек им чужой, иноплеменный. Взял он в руки кубок, постучал по нему пальцами и, прислушиваясь к звону металла, сказал:

– Кубок этот говорит, что вы соглядатаи.

– Мы люди честные, – ответили они.

– Если вы честные люди, почему вы входили как бы крадучись, поодиночке в разные ворота, и зачем в продолжение трех дней слонялись по базарам?

– Мы отыскивали пропажу.

– Какую такую пропажу? Мой кубок говорит мне, что двое из вас разрушили большой город.

– Назови, кто именно из нас?

Постучав по кубку, Иосиф сказал:

– Имена их: Симеон и Леви.

– Господин, – начали они, пораженные чудесной силой кубка, – нас, рабов твоих, двенадцать братьев...

– Но вас здесь только десять; где же двое остальных?

– Меньший – при отце, а одного не стало.

– Это самое я и говорил вам и утверждаю: вы соглядатаи. И вы не выйдете отсюда, пока не приведете меньшего брата вашего.

И, взяв Симеона, приказал связать его. Но, зная необыкновенную силу Симеона, Иосиф ввел семьдесят испытанных воинов, которым повелел наложить кандалы на Симеона и отвести его в темницу. Едва воины приблизились к Симеону, последний крикнул с такой силой, что все они повалились как подкошенные, и зубы выскочили у них из челюстей и рассыпались по полу.

При Иосифе в это время был сын его, Манасия.

– Возьми ты его, – сказал Иосиф.

Встал Манасия, одним ударом оглушил Симеона и, наложив на него кандалы, отвел в темницу.

– Этот удар, – говорил Симеон братьям, – не удар египтянина: такие удары наносить умеют только люди нашего рода.

Великий страх пал на братьев, и они отправились к Иакову поведать ему о происшедшем.

Нелегко было убедить отца отпустить с ними Вениамина.

– Отец, – убеждал его Иуда, – если Вениамин пойдет с нами, то, неизвестно еще, может быть, его и не заключат в темницу; без него же мы не можем явиться к фараону, и всем нам неизбежно придется умереть с голода. Наконец, я беру на себя ответственность и ручаюсь за его безопасность.

(Бер.-Р., 91; Танх)

Поникнув головой, сидел Иаков у входа в шатер свой. Бесконечной цепью испытаний проходила в памяти старца вся его долгая жизнь: бегство из родного дома к Лавану; двадцать лет полурабского служения тестю; бегство от Лавана и встреча с Исавом, которого приходилось умилостивить дарами, чтобы спастись от лютого гнева его; несчастье с Диною; смерть любимой жены, Рахили. Подросли, наконец, дети; давно пора было дать отдых старым костям, – исчезает Иосиф. Теперь – грозит голод, а Симеон в темнице, и Вениамина ждет та же участь...

– Боже Всемогущий, смилуйся над моими детьми, смилуйся над старостью моей. Положи предел испытаниям моим!

(Бер.-Р., 92)

Радостно забилося сердце Иосифа при виде Вениамина. Как живое встало перед ним милое лицо Рахили, матери их. Позвал Иосиф братьев на пир и, желая быть во время пира поближе к любимому брату, снова обратился к помощи своего кубка.

– Иуда, – начал он, поднося к носу бокал и в запахе его содержимого ища указаний, – Иуда, у которого царственный вид, пусть займет первое место. Рувиму сесть рядом с ним дает право его первородство.

И т. д. Когда очередь дошла до Вениамина, Иосиф сказал:

– Я сирота без матери, и его мать умерла, родив его. Меня разлучили с братом, и у него не стало брата. Одна судьба у обоих нас, и нам отрадно будет склонить головы друг к другу.

Видя особое радушие Иосифа к этому отроку, Асенефа, жена Иосифа, положила и свое кушанье на блюдо Вениамина; то же самое сделали Ефреем и Манасия.

(Танх.)

Но вот в мешке Вениамина оказался серебряный кубок Иосифа.

– Вор! – накинулись на него братья, – вор, сын воровки! – кричали они ему. – Мать твою покрыла стыдом отца нашего¹⁶), и ты опозорил нас, украв чашу у гостеприимного хозяина! И вот, останешься ты вечным рабом этому человеку.

Но тут выступил вперед Иуда и встал перед Иосифом. В это время духи небесные говорили друг другу:

– Сойдем вниз и поглядим, как Вол со Львом¹⁷) в единоборство вступает. И нет у Вола страха перед Львом.

Предание от рав Иоханана:

– Голос Иуды в это время звучал на расстоянии четырехсот парса¹⁸). Услыша знакомый голос, Хушам, сын Дана, поспешил из Ханаана в Египет и встал рядом с Иудой. Загремели голоса этих двух человек, и заколебалась земля во всем Египте.

Видя гнев Иуды, закипели гневом и другие братья; затопали ногами – и глубокими бороздами взрывалась земля под ними.

¹⁶ Похитив идола у Лавана.

¹⁷ «Крепость Иосифа как первородного вола» (Предсмертное благословение Моисея. Второзак., 33,17). «Молодой лев Иуда» (Благословение Иакова. Бытие, 49,9).

¹⁸ Парса – четыре версты.

Но более всех других страшен был Иуда. На груди, против сердца, рос у него один волос, который в то время, когда Иуда распался гневом, превращался в острую иглу и выходил наружу, проколов ткань пяти одеяний, которые носил Иуда.

Но Вол не уступал Льву.

Ударил Иосиф ногою о мраморную скамью, на которой перед тем сидел, – и скамья рассыпалась на мельчайшие осколки.

– Что это значит? – удивился Иуда. – Этот человек силен не менее каждого из нас!

Схватился Иуда за меч, но меч, точно удерживаемый невидимой рукой, не выходил из ножен.

– Сомнения нет, он и человек богоугодный, – подумал Иуда и обратился к Иосифу с такими словами:

– Господин! С самого начала ты, без всякого повода, начал взводить на нас обвинения. Множество народу из разных стран приходит в Египет для закупки зерна, и ни одного человека ты не подвергал такому допросу. А мы – пришли мы, что ли, взять дочь твою себе в жены или сестру свою выдать за тебя замуж? Ты спрашивал, и мы на все твои вопросы отвечали, ничего не скрывая. Чего же ты требуешь от нас?

– Прежде всего, – сказал Иосиф, – объясни, почему именно ты выступаешь защитником этого отрока, а не кто-либо другой из братьев, старше тебя?

– Потому, – ответил Иуда, – что я поручился за его безопасность перед отцом.

– А почему ты не заступился за другого брата, когда вы продавали его измаильтянам, и не пожалел старика-отца, спокойно говоря ему: «Хищным зверем растерзан Иосиф»? Тот брат твой ничем не погрешил перед тобою; этот же похитил мой кубок. Ты и скажи отцу, когда он спросит о нем: «В колодезь ведро – туда и веревка».

Громко и горестно зарыдал Иуда, говоря:

– Как мне пойти к отцу моему, когда отрока не будет со мною?

– Хорошо, – сказал Иосиф, – рассудим спокойно дело наше; чего ты требуешь от меня?

Но Иуда уже не слушал его.

– Нефтали! – крикнул он. – Иди узнай, сколько в городе кварталов.

Быстрый, как серна, Нефтали вернулся и сказал:

– Двенадцать.

– Братья, – крикнул Иуда, – три квартала разрушу я, да каждый из вас – по одному кварталу, чтоб ни души в живых не осталось.

– Иуда, – заговорили братья, – Египет не Сихем: разрушить Египет – все равно что разрушить весь мир.

Почувствовал Иосиф, что не выдержать ему дольше, и крикнул:

– Удалите от меня всех и оставьте меня одного с этими людьми.

Удалились египтяне, и снова заговорил Иуда:

– Ты поклялся жизнью фараона нечестивого, а я жизнью праведного отца моего клянусь: стоит мне только извлечь из ножен меч мой – и Египет наполнится трупами.

– Обнажи свой меч, – отвечал Иосиф, – и я узлом завяжу его на шее твоей!

– Огонь Сихема пылает во мне!..

– Не огонь ли Тамары, Иуда? Так я потушу его!

Гневу Иуды в это мгновение не было пределов. Слитки железа изгрызал он, превращая их в опилки.

– Все улицы я кровью обагрю! – гремел голос его.

– Красильщиками вы всегда были, – ответил Иосиф, – вы и одежду брата вашего выкрасили кровью.

Но видя, что они готовы кинуться и опустошить Египет, Иосиф заговорил:

– Не верно то, что вы сказали, будто брат Вениамина умер. Нет, он жив: купил его я. Позову – и он придет. «Иосиф, сын Иакова! – начал он звать. – Приди ко мне! Иосиф, сын Иакова, приди к братьям твоим, которые продали тебя!»

Начали братья оглядываться во все стороны. А Иосиф говорит:

– Не ищите его кругом себя. Он перед вами: я – Иосиф, брат ваш. И очи ваши, и очи Вениамина видят, что это мои уста говорят с вами; на родном языке я с вами говорю.

Братья и глазам своим не верили: помнили они его отроком, а перед ними стоял человек, обросший бородою.

В одиннадцати колесницах, из колесниц фараоновых, возвращались братья Иосифа в Ханаан, везя с собою для Иакова особую, роскошной отделки колесницу и целый караван, нагруженный дорогими одеждами для каждого из внуков Иакова, тканями и благовониями для жен своих, невесток Иосифа, для Дины – целую сокровищницу золототканых и серебротканых одежд. Провожая братьев, Иосиф говорил им:

– Когда придете к отцу нашему, не говорите ему обо мне сразу, но постепенно подготовьте его к этому.

Случилось так, что, при приближении их к цитрам своим, им встретилась Серах, дочь Ассира, девушка, прекрасная лицом и обладавшая в редкой степени даром игры на цитре. Поведали они ей об Иосифе и сказали:

– Ступай к отцу нашему, к Иакову, и заиграй перед ним на цитре, и песню запой, а в песне этой упомяни то, о чем мы рассказали тебе.

Сбегала Серах в шатер за цитрой, пришла к Иакову и, сев у ног его, стала перебирать струны цитры и сладким голосом своим запела:

«Он жив и славен
В стране далекой...»

Поднял патриарх поникшую голову свою и начал прислушиваться к голосу Серах.

«Он жив и славен...» —

повторила девушка, заставляя тихо и сладостно звенеть струны на цитре, и наконец громким и ликующим аккордом зазвучала песня:

«Он жив!
Он жив и славен,
В стране далекой, Твой сын Иосиф,
Твой сын и дядя мой!..»

Потоком света и радости полилась песня Серах в душу Иакова – и дух Господен сошел на него, и понял он, что правда звучит в словах песни этой.

(Бер.-Р., 92; Танх. Сеф. Гаиаш.)

ХІІІ. Кончина Иакова

Призвал Иаков сыновей своих и сказал:

– Соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни.

Желал Иаков открыть им грядущую судьбу мира, но дар предвидения вдруг покинул его.

– Нет ли, упаси Господь, – подумал он, – в семье моей изъяна, как в семье отца моего, в лице Исава?

– Нет, – сказали в один голос сыновья его, – слушай, отец наш Израиль! В наших сердцах, как и в твоём сердце, жив только Единый.

И Иаков благоговейно отвечал:

– Благословенно имя Его, царствующего во веки веков!

И звучит из века в век, дважды в день, утром и вечером, клич далеких потомков его:

Слушай, Израиль!

Слушай в гробнице Махпела, отец наш Израиль! Крепко и свято храним мы завет твой: Господь наш – Господь единый!»

(Пес., 56; Бер.-Р., 98)

И дошли они (сыновья Иакова с телом его) до гумна Атада¹⁹).

По преданию от раби Абагу, туда пришли также сыновья Исава, и сыновья Измаила, и потомки Хеттуры. Пришли со злыми чувствами и враждебными целями, колючим кустарником окружив останки праведника. Но вот, видят они: венец Иосифа висит у гроба. И все сняли венцы свои, счетом тридцать шесть, и, точно золотой гирляндой, окружили ими гроб патриарха.

(Сотта, 13)

¹⁹ «Атад» означает собственно: изгородь из колючего кустарника.

Рабство и исход

I. Рабство египетское

«Как виноград в пустыне, я нашел
Израиля; как ягоду, впервые
Созревшую среди листьев молодых
Смоковницы, узрел отцов Я ваших».
(Осия, IX, 10)

Рав Иудан говорил:

– Подобно тому, как со смоковницы снимается сначала по одной созревшей ягоде, потом по две, по три и, наконец, приступают к сбору плодов целыми корзинами, так и на народном древе нашем, сначала созрело одно славное имя – Авраам, затем – Исаак, Иаков и, наконец: «Расплодился сыны Израиля, и размножились, и возросли, и окрепли чрезвычайно; и наполнилась ими та земля».

(Бер.-Р., 46)

Прошло сто тридцать лет от водворения израильтян в Гошене Египетском. И был сон фараону. Снилось ему, что сидит он на троне своем, и стоит перед ним некий старец, и у старца весы в руках. Вот опустил старец чаши весов, на одной поместил всех старейшин, вельмож и правителей египетских, на другую чашу поставил одного ягненка-сосуна. Поднял старец весы – и вот, видит фараон: чаша с ягненком перевесила чашу со всеми старейшинами, вельможами и правителями египетскими.

Призвал фараон волхвов своих и сказал:

– Истолкуйте мне сон мой.

В то время при дворе фараона находился и Валаам, сын Веоров, бежавший в Египет с островов Хиттимских.

– Государь! – сказал Валаам. – Сон твой предвещает, что произойдет великое зло для Египта от народа израильского. В народе этом родится человек, который разорит Египет и освободит израильтян от власти твоей.

– Что же я должен сделать, – спросил фараон, – чтобы предупредить это?

– Спроси сначала других волхвов, а меня соблаговоли выслушать потом.

Отвечал один из волхвов, Регуил (Иофор) Мадиямский:

– Да живет Государь! Да живет во веки Государь наш! Мой совет: отступись от израильтян и не пытайся вступить в борьбу с ними. Бог издревле избрал народ сей из всех народов земли. Когда предок твой фараон пожелал приблизиться к жене патриарха их Авраама, Бог Израилев поразил его и весь дом его жестокими карами. То же постигло и Авимелеха, царя Герарского. Праотца их Иакова Бог спас от Исава и от Лавана, покушавшихся убить его, и от всех царей Ханаанских, которые выходили против Иакова и сыновей его. Предок же твой фараон возвеличил израильтянина Иосифа, мудростью своей спасшего Египет во время семилетнего голода, и отца Иосифа с братьями его радушно принял и поселил их в стране своей. Поэтому совет мой: перестань угнетать израильтян, и если не желаешь оставить их жить мирно в Египте, дай им спокойно уйти в землю Ханаанскую.

Разгневался фараон на Регуила за слова его и обратился к другому волхву, Иову Егуильскому.

– Великий Государь! – ответил Иов. – Ты один властен над всеми жителями страны своей; сделай так, как угодно в очах твоих.

Заговорил тогда Валаам.

– Государь! – сказал он. – Праотец израильтян Авраам вышел невредимым из печи калильной. Другой родоначальник их, Исаак, был возложен на жертвенник для всеожжения, но жертвенный нож не коснулся его. Патриарх их, Иаков, долгие годы служил Лавану, и тяжесть трудов не умалила крепости сил его. Ни огнем, ни мечом, ни работами изнурительными не одолеть тебе народа этого. Есть одно средство, донныне еще не испытанное; средство это – стихия водная. И вот мой совет: всех детей, которые родятся отныне у израильтян, прикажи бросать в реку.

(Сеф. Гаиш.)

«Если будет сын, то умерщвляйте его».

Предание от раби Ханана:

Что тогда делали кроткие, непорочные матери еврейские? В пещерах прятали они младенцев своих. Но египтяне отыскивали их и бросали в реку.

В это время Господь говорил ангелам:

– Сойдите на землю и взгляните – потомков возлюбленных моих Авраама, Исаака и Иакова в воду бросают!

Встревоженные, отлетали ангелы от Господа и, входя по колени в воду, принимали младенцев на руки и укладывали их на утесах, а из утесов образовывались сосцы, питавшие младенцев материнским молоком.

Освобождением из рабства народ обязан заслугам праведниц израильских того времени. Когда женщины эти приходили за водой, Господь посылал к тому месту множество мелкой рыбы, и вода в кувшинах оказывалась пополам с рыбою. Отправляясь к мужьям, находящимся на работе, каждая приносила по два кувшина, один с вареной рыбой, другой с согретой водой, помогала мужу умыться, счищать с себя пыль, утолить голод и жажду и нежными ласками утешала его. Приближалось время родов; надо было уходить куда-нибудь подальше от зорких врагов. И они уходили в поля, в рощи, рожали – и спешили возвратиться к покинутым жилищам. И посылал Господь ангела-хранителя, который поил детей молоком, питал их елеем и медом, как родная мать, лелеял их.

Узнавали об этом египтяне, ходили искать детей, но никого не находили: земля расступалась и любовно принимала малюток в свои недра. Приходили египтяне с плугами, глубоко бороздили землю на тех местах, но детей и следа не было. А когда египтяне удалялись, малютки, точно стебли травы, вырастали из почвы. Впоследствии, уже взрослыми, они толпа за толпою приходили в свои жилища.

А в тот час, когда Господь открылся народу у Черного моря, они же и были первыми, кто узрел величие Его, – и зазвучали хором голоса их:

– Вот Бог мой!

(Ш. – Гаиш.-Р., 8; Т. д. Ел.; Сота, 11)

II. Рождение и воспитание Моисея

Мириам, еще до появления на свет Моисея, предвидела пророческим даром и говорила отцу:

– Моя мать родит сына, который явится спасителем нашего народа.

Родился Моисей – и весь дом наполнился сиянием.

– Пророчество твое, – сказал Амрам, целуя дочь, – исполнилось.

Когда же Моисея пришлось спустить в корзине в Нил, мать накинулась с угрозами на дочь, крича:

– Где же, дочка, пророчество твое?

И Мириам пошла к реке, притаилась и стала наблюдать издали, чем кончится ее пророчество.

Когда Моисей был взят дочерью фараона, Мириам, обратившись к ней, сказала:

– Не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из еврейнок? Почему именно – из еврейнок? Потому что ни у одной из кормилиц-египтянок младенец не брал груди. Ибо, сказал Господь: «Устам, которым предстоит говорить Именем Моим, не подобает прикасаться к груди идолопоклонницы».

Полюбила Моисея дочь фараона, как мать – родного сына. Ни на шаг не отпускала она его из дворца, ласкала, лелеяла, красотой его налюбоваться не могла. И кто, бывало, ни взглянет на него, не в силах оторвать глаз от лица его.

Привязался к ребенку и фараон, ласкал его, забавлял, а Моисей нередко снимал с головы фараона венец и надевал себе на голову.

Не по душе была эта забава волхвам, приближенным фараона. В ночь рождения Моисея египетские звездочеты наблюдали появление на небе новой звезды и предсказывали, что родившийся в ту ночь младенец явится избавителем израильского народа. Теперь, видя Моисея забавляющимся таким образом фараоновым венцом, волхвы обратились к повелителю Египта, говоря:

– Государь! Предостерегаем тебя от опасности, угрожающей тебе в лице этого ребенка: теперь он забавы ради надевает на себя венец твой. Однако как бы он не оказался тем именно, о котором мы пророчествовали, что он в будущем отнимет вместе с короною и царскую власть у тебя.

И начали уговаривать фараона убить Моисея. Бывший среди них мадиамский жрец Иофор сказал:

– По моему мнению, ребенок этот еще не сознает того, что делает. Мы можем это испытать: пусть поставят перед ним блюдо с золотом и раскаленными угольями. Если ребенок потянется к золоту, то это докажет, что он способен действовать сознательно, и в таком случае казните его, если же он протянет руку к угольям, тогда за что же убивать его?

Когда блюдо было принесено, Моисей протянул руку к золоту, но архангел Гавриил оттолкнул руку Моисея – и он, схватив уголек, сунул его себе в рот и обжег язык. С тех пор Моисей и сделался косноязычным.

(Шем.-Р., 1)

III. Моисей на работе египетской

«Спустя много времени, когда Моисей вырос, он вышел однажды к братьям своим и увидел тяжкие работы их».

Видел Моисей эти изнурительные работы и говорил:

– Горе мне видеть вас, несчастные! Я готов душу мою положить за вас!

Нет работы более тяжелой, чем работа над глиной. И Моисей, не разгибая спины, помогал каждому. Не дорожа высоким придворным положением своим, он приходил облегчать работу братьям своим.

И сказал Господь:

– За то, что ты, пренебрегая личными заботами, ходил соблезновать народу с любовью братской, Я оставляю все и на небе, и на земле и буду говорить с тобою.

По другому толкованию: Моисей, видя, что израильтян заставляют работать без всякого отдыха, обратился к фараону и сказал:

– Государь! Каждому рабовладельцу известно, что если не дать рабу один день отдыха в неделю, раб не выдержит и умрет. И этим рабам твоим не выдержать долго, если ты не установишь для них отдыха по одному дню в неделю.

– Иди, – ответил фараон, – и сделай так, как ты говоришь.

Пошел Моисей и установил для израильтян празднование субботнего дня.

«И он убил египтянина и скрыл его в песке. И вышел он на другой день, и вот, два еврея ссорятся; и сказал он обидчику: «Зачем ты бьешь ближнего твоего»? А тот сказал: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?» Моисей испугался и сказал: «Сомнения нет, – дело это раскрыто!»

Размышляя над судьбою родного народа, Моисей спрашивал себя: «Чем так согрешил этот народ, что отдан в рабство египтянам?» Услыша же слова того израильтянина, Моисей сказал: «Сомнения больше нет, дело это раскрыто – я теперь знаю, за что постигла израильтян тяжелая судьба их: соглядатайство развито среди них, и достойны ли они быть избавленными от рабской доли своей?»

(Шем.-Р., 1)

Восемнадцать лет было Моисею, когда он бежал от мести фараона в землю Ефиопскую и сорок семь лет прожил он в земле этой. Из Ефиопии Моисей отправился в Мадиям, к Иофору.

(Сеф. Гаиаш.)

IV. Моисей у Иофора

Иофор был язычником и служил жрецом при капище. Незадолго до прихода Моисея, сознав ничтожество идолов, он порешил сложить с себя жреческий сан, удалиться от капища и обратиться к служению Истинному Богу. Созвал он жителей того города и, обратившись к ним, сказал:

– Я долгие годы служил у вас жрецом. Но я состарился, и вот, я прошу вас, изберите себе другого жреца вместо меня.

С этими словами он вынес и передал им все жреческие принадлежности, бывшие при нем.

Отказ от жреческого сана был неслыханным делом в те времена, и возмущенные поступком Иофора сограждане объявили его отступником и предали строжайшему отлучению: никто не должен был исполнять для него никакой работы и вообще приходить с ним в малейшее общение. В числе других ушли от него и пастухи, пасшие его овец. Дочерям его, которых было семеро, пришлось самим ходить за стадами. Но пастухи отгоняли их от колодца и не давали наполнять корыта, чтобы напоить овец.

При одном из таких случаев появился Моисей, заступился за них, начерпал воды и напоил овец их.

На вопрос Иофора (он же Регуил): «Что вы так скоро пришли сегодня с пастбища?» – дочери его ответили: «Какой-то египтянин защитил нас от пастухов и помог нам напоить овец наших.

Моисей был тогда в египетской одежде, и дочери Иофора приняли его за египтянина.

Иными толкователями слова «Какой-то египтянин» пояснялись такой притчей:

«Одного человека ужалила змея. Побежал он к реке и бросился в воду, а в том месте увидел тонущего ребенка и спас его от смерти. Ребенок начал благодарить своего спасителя, но тот сказал: «Дитя, не я тебя спас, а спасла тебя змея. Ибо не укуси она меня, я бы не побежал к реке и не помог бы тебе выбраться из омута».

Так и Моисей – когда дочери Иофора начали благодарить его – сказал:

– Благодарите не меня, а того египтянина, из-за которого я должен был бежать сюда.

(Шем.-Р., 1; Танх.)

V. Кровавая ванна

«И стонали сыны израилены от работы и вопияли».

Но ужаснее работы было другое. Фараон, и без того близкий к смерти, заболел проказою, а волхвы посоветовали ему, как лучшее лечение, ванны из теплой детской крови, по две ванны в день. Для этой цели закалывали еврейских детей по два раза ежедневно – утром сто пятьдесят и сто пятьдесят вечером.

(Шем.-Р., 1)

VI. Пастырь Божьего Стада

«Моисей пас овец у Иофора».

Однажды убежал из стада козленок. Моисей побежал за ним и догнал его в ущелье, у источника, из которого козленок с жадностью пил.

– Бедняжка, – сказал Моисей, – тебя мучила жажда, а я об этом и не подумал. А как ты устал теперь!

Дав козленку напиться, он положил его себе на плечо и понес к стаду.

В это время раздался Голос:

– Тот, в ком столько любви и сострадания к стаду овечьему, достоин стать пастырем стада Божьего.

(Шем.-Р., 2)

VII. Несгораемый куст

Однажды, когда Моисей провел стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву, он увидел: горит куст терновый, горит и не сгорает. И услышал Моисей голос Господа, звучащий из пламени:

– Если сердце твое этого не говорит тебе, то пусть скажет этот куст колючего терновника: Я, Господь, скорблю скорбью народа и соблезную горькой участи его. И как не в силах пламя испепелить этот куст, так Египту не сокрушить Израиля.

На вопрос одного язычника: «Для чего Бог явился Моисею из куста терновника», р. Иегошуа бен Карха сказал:

– Для того, чтобы люди знали, что нет того места, на котором не почил бы дух Господен, не исключая и терновника.

И ради того еще Господь явился Моисею в кусте горящем и несгораемом, что Моисей носил в душе страх за судьбу народа, которому, думал он, предстоит неизбежная гибель в рабстве египетском. Господь, показав ему огонь пламенеющий и куст несгораемый, сказал:

– Подобно тому, как пламя это не в силах испепелить куст, так не в силах египтяне истребить народ израильский.

(Там же)

VIII. Посох Моисея

Посох этот, предуготованный в сумерки шестого дня творения, был дан господом Адаму в раю, от Адама перешел к Еноху, от Еноха к Симу, потом переходил по наследству к Аврааму, к Исааку, к Иакову и, наконец, к Иосифу. После смерти Иосифа посох был взят фараоном к себе. Иофор, бывший одним из волхвов египетских, смутно чувствуя чудесную силу этого посоха, выпросил его у фараона и посадил среди деревьев в своем саду. Однако невидимая рука не давала ему подойти близко к посоху. Когда явился Моисей, увидел посох и прочитал начертанные на нем письмена, он протянул руку и беспрепятственно взял его себе. Видя это, Иофор понял, что Моисею суждено освободить народ израильский, и дал ему в жены дочь свою Сепфору.

(П. д. Ел.)

IX. Старейшины

К фараону пришли Моисей с Аароном.

Куда же девались старейшины израильские, которых Моисею велено было Богом взять с собой к фараону?

Старейшины эти вначале отправились вместе с Моисеем, но по дороге стали отставать один за другим, пока не осталось никого из них, а пред фараоном предстали только двое – Моисей и Аарон. Вспомнил об этом Господь в тот час, когда Моисей был призван взойти на Синай. И старейшинам сказано было:

– Оставайтесь внизу, у подножия горы. Тот, кто в страхе отступил перед фараоном, не достоин всходить на эту святую гору.

(Шем.-Р., 5)

Х. Моисей и Аарон у фараона

Предание от р. Хии бар Аба.

В Тот день, когда Моисей и Аарон явились к фараону, у повелителя Египта был назначен прием властителей разных стран. Цари восточных и западных стран покорно возлагали на голову фараона свои короны. В это время фараону доложили о приходе каких-то двух старцев.

Во дворце было четыреста входов, у каждого входа содержались на страже хищные звери: львы, медведи и др., которые не давали переступить порога, прежде чем один из волхвов не произнесет заклинания. При приближении же Моисея и Аарона все эти звери, увидя в руке Моисея посох с начертанным на нем Шем-Гамфораш, покинули сторожевые места свои и последовали за обоими старцами, ласкаясь и лижа им ноги, пока те не достигли приемного зала. При появлении Моисея и Аарона все были ослеплены неземным видом их: могучие, как кедры ливанские, стояли эти два человека; ярким звездам подобны были очи их, как гроздь финиковой пальмы широко на груди раскинулись бороды; солнечным блеском лучились их лица, а посох Моисея казался выточенным из сапфира.

Гордо и пламенно зазвучали их голоса. Трепет благовония и восторга охватил всех. Цари с глубокими поклонами положили к ногам их свои короны. Первым пришел в себя фараон и начал пытливо вглядываться в их лица. «Кто эти люди? – спрашивал он себя. Если они цари, то почему не увенчивают меня, подобно другим, своими коронами? Если они послы, то почему не подают своих верительных посланий? Но эти люди даже не приветствуют меня в установленном порядке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.